

encanto9

ОХОТА ЗА ТЕНЬЮ

18+

18+

Encanto 9

Охота за тенью

<https://litres.ru/73601252>

SelfPub; 2026

Аннотация

Детектив Лорелин Хейл знает это лучше всех. В пять лет она пряталась в тёмном шкафу, слушая, как рушится её мир. Сегодня она читает места преступлений как открытые тексты: каждая царапина, каждый отпечаток, каждый сбой в речи подозреваемого становятся для неё строчкой, ведущей к истине. Её напарник — Кевин Эллингтон. Острый ум, циничная броня и собственные демоны, которые он не спешит выставлять на свет. Между ними вспыхивает опасное притяжение, но в деле, где правда скрыта за безупречными алиби, светскими улыбками и финансовыми махинациями, доверие может стоить карьеры или жизни.

«Охота за тенью» — атмосферный психологический детективный триллер, где каждый диалог режет, как скальпель, а атмосфера большого города давит не меньше, чем груз детских кошмаров. Книга о том, как перестать прятаться от собственной боли, научиться доверять и сделать шаг вперёд, даже если впереди ждёт только тень.

Готовы ли вы заглянуть в темноту, когда она уже смотрит на вас в ответ?

Содержание

Пролог	4
Дыхание Нью-Йорка: начало пути	15
Погоня за истиной	44
Отблеск города на двоих	45
Трость и асфальт	67
Страницы тёмного прошлого	78
Архитектор	106
Ужин	129
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Encanto 9

Охота за тенью

Пролог

Поздний вечер плотно укутал загородный дом. В детском крыле на втором этаже теплилась жизнь: свет ночника мягко рассеивал тьму, отбрасывая причудливые тени на деревянные балки потолка, придававшие комнате уютный деревенский шарм.

Сьюзен склонилась над кроватью. Её светлые волосы, собранные в небрежный хвост, растрепались, и выбившиеся пряди обрамляли лицо с высокими скулами. В больших серо-голубых глазах читалась усталость, но, когда она смотрела на дочь, взгляд становился бесконечно мягким.

В кровати, укутанная в одеяло с изображением планет, лежала пятилетняя Лорелин. Россыпь веснушек на носу и пушистые ресницы делали её похожей на фарфоровую куклу. Светлые волосы разметались по подушке, а маленькие ручки крепко прижимали к груди потрёпанного плюшевого медведя с одной пуговицей вместо глаза – её неизменного спутника.

Комната была миниатюрным миром маленькой мечтательницы. На столе лежал незаконченный рисунок: мама и

дочка, гуляющие по радуге. Книжный шкаф ломился от энциклопедий о динозаврах и звёздах, а на стене висела карта ночного неба – Лорелин всерьёз собиралась стать астронавтом. Прямо над изголовьем мерцали светящиеся наклейки-созвездия, создавая иллюзию настоящего космоса. Из приоткрытого окна доносился шелест деревьев и едва уловимый аромат ночного жасмина, смешивающийся с запахом мамино лавандового крема.

На первом этаже тихо бубнил телевизор. Оттуда доносился размеренный голос её отца, Томаса, который смотрел вечерние новости.

Сюзен поправила одеяло, осторожно убрала прядь волос со лба дочери и тихо прошептала: — Сладких снов, моя звёздочка.

Лорелин что-то невнятно пробормотала, улыбнулась во сне и глубже зарылась в подушки. Сюзен замерла, впитывая этот хрупкий момент покоя.

И вдруг тишину разорвал звук.

Резкий, требовательный звонок дверного колокольчика. Не один раз, а непрерывная, нервная трель, будто кто-то давил на кнопку, не отрывая пальца. Следом грянул глухой удар вниз, звон разбитого стекла и тяжелый скрип распахнутой входной двери.

Лицо Сюзен мгновенно окаменело. Усталость испарилась, уступив место животному, леденящему ужасу. Она резко обернулась к двери, прислушиваясь. Сердце забило где-

то в горле.

— Лорелин, быстро! — её голос прозвучал тихо, но с пугающей сталью. Она наклонилась к кровати. — Прячься в шкафу. Сейчас же!

Девочка распахнула глаза. В них мелькнул испуг, но она не стала спорить, доверяя матери безоговорочно. Сьюзен подхватила её на руки – лёгкую, словно пушинку, – и стремительно отнесла к высокому дубовому шкафу.

— Тише, солнышко, — прошептала она, усаживая дочь среди вешалок с одеждой. — Сиди тихо, как мышка. Не выходи, что бы ты ни услышала. Слышишь? Ни при каких условиях. Я вернусь за тобой. Обещаю.

Она на мгновение задержала взгляд на широко распахнутых, полных слёз глазах дочери, коснулась её холодной щеки и плотно, но не до конца, закрыла дверцу, оставив крошечную щель для воздуха.

Едва она отступила, как на лестнице раздались тяжелые, чужие шаги. Сьюзен выпрямилась, её взгляд лихорадочно метался по комнате в поисках чего-то, что могло бы послужить оружием, но было уже поздно. Шаги приближались.

Дверь детской распахнулась.

В шкафу повисла напряжённая, звенящая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Лорелин. Девочка сидела, сжавшись в комочек на полу, так сильно вцепившись в плюшевого медведя, что его искусственная шерсть впивалась в пальцы.

Снизу донеслись крики. Голос мамы, высокий и дрожащий, звучал так, как Лорелин никогда его раньше не слышала. Девочка вздрогнула, и по щекам покатались горячие слёзы. Она боялась их вытереть, боялась издать даже шорох.

Затем последовал новый грохот. Что-то с треском ударилось о стену. К крикам матери прибавились низкие, грубые мужские голоса. Неразборчивые, хриплые, от этого ещё более пугающие. Они звучали то ближе, то дальше, эхом разносясь по дому. Лорелин закусила губу до крови, стараясь сдержать подступающие рыдания. Она зажмурила глаза, представляя, как мама стоит перед этими страшными людьми, и молила про себя: *«Только бы всё это поскорее закончилось. Только бы мама была в порядке».*

Но закончилось это не так, как она надеялась.

Крики оборвались. Наступила тишина. Густая, неестественная, будто сам дом затаил дыхание в ожидании чего-то ещё более страшного. Лорелин считала про себя: *раз, два, три...* пытаясь найти опору в простых цифрах.

Прошло много времени, прежде чем она осмелилась пошевелиться. Никаких шагов. Никаких голосов. Только собственное сердце, колотившееся о ребра, как пойманная птица.

Девочка медленно, почти неслышно, приоткрыла дверцу шкафа. Петля тихонько скрипнула. Этот звук показался оглушительным. Лорелин замерла, прислушиваясь. Ничего.

Она осторожно выбралась из укрытия и босыми ногами

ступила на прохладный деревянный пол. Крепко сжимая медведя, она на цыпочках подошла к двери и выглянула в коридор. Лунный свет, пробивавшийся сквозь высокое окно, выхватывал из темноты знакомые очертания: вазу, картину, коврик у лестницы. Всё выглядело как обычно, но воздух стал тяжелым, пропитанным чужим, враждебным присутствием.

Держась за резные перила, Лорелин начала спускаться вниз. Каждая ступенька казалась испытанием. Она старалась наступать на края, где доски не скрипели, и задерживала дыхание.

На середине лестницы она замерла. Внизу, в холле, в лунном свете что-то зловеще блеснуло. Осколки фарфора от разбитой маминой вазы. Рядом валялся опрокинутый стул. А на полу темнело широкое, расплывшееся пятно. Лорелин подумала, что это пролитый кофе, но откуда-то из глубины сознания пришел холодный голосок: *это не кофе*.

Её взгляд метнулся к входной двери. Она была распахнута настежь, и ночной ветер приносил с улицы запах сырой земли.

— Мама? — беззвучно шевельнула губами девочка.

Она продолжила спуск, теперь ещё медленнее, сливаясь с тенью. В голове крутилась мамина фраза: *«Я вернусь за тобой»*. Но мамы нигде не было.

Лорелин остановилась у подножия лестницы и заглянула в гостиную. От увиденного её сердце сжалось так сильно, что

перехватило дыхание.

Комната выглядела так, будто по ней пронёсся ураган. Шторы сорваны с карниза, книги вырваны из шкафов и разбросаны по полу.

А посреди этого хаоса, среди осколков и мусора, лежала её мама.

Лорелин не сразу поняла, что именно не так. Мамина одежда была сорвана и разбросана, словно её рвали в ярости. Но страшнее всего было то, что закрывало её лицо. Прозрачный пластиковый пакет, туго затянутый у шеи. Он словно отрезал её от мира, заперев внутри страшного, немого крика.

С ужасом Лорелин обернулась. У камина, на стуле, сидел папа. Его голова безвольно свисала на грудь, руки и ноги были грубо скручены верёвками. Его лицо тоже закрывал такой же пакет. Он не двигался. Никто из них не двигался.

Мир, который Лорелин знала, рухнул в одно мгновение. Всё тёплое и безопасное превратилось в ледяной кошмар.

Плюшевый медведь выскользнул из её ослабевших пальцев и глухо шлёпнулся на пол. Ноги подкосились. В горле встал жгучий ком.

— Мама... — прошептала она надломленным, хриплым голосом. — Папа... проснитесь. Пожалуйста, проснитесь!

Она сделала робкий шаг вперёд, надеясь, что сейчас это окажется игрой. Что мама откроет глаза и скажет: «Всё хорошо, милая». Но Сьюзен лежала неподвижно. И папа тоже.

Лорелин медленно опустилась на колени рядом с матерью.

Дрожащими руками она потянулась к пакету на её лице, но в последний момент отдернула руку. Что-то внутри, какое-то древнее, инстинктивное знание, подсказало: не надо. Вместо этого она осторожно коснулась маминой руки. Она была холодной. Неподвижной.

Девочка тихо, беззвучно заплакала, покачиваясь из стороны в сторону, как будто пытаясь убаюкать саму себя. — Мама, я боюсь... Мне страшно без тебя. Проснись, ну пожалуйста...

Она прижалась ухом к груди матери, надеясь услышать стук сердца, но там была лишь пугающая, всепоглощающая тишина.

И вдруг эту тишину разрезал вой сирены.

Сначала едва уловимый, где-то вдаль, он становился всё громче, пронзая ночную тьму. Лорелин замерла. Сирены. Полиция? Кто-то вызвал помощь?

Звук приближался, окружая дом, и резко смолк у подъездной дорожки. Хлопнули дверцы машин. Раздались чёткие, профессиональные команды, топот ног по гравию.

Лорелин инстинктивно оглянулась в поисках укрытия, но сил бежать уже не было. Она осталась сидеть на коленях, обхватив себя руками.

Шаги у входной двери. — Полиция! Есть кто в доме?! — громкий мужской голос эхом отозвался в пустом холле.

Лорелин не могла вымолвить ни слова. Горло сдавило спазм. Она просто смотрела на арку гостиной, ожидая, когда

появятся люди.

Первым вошёл офицер. Он замер на пороге. Его взгляд, привыкший к жестокости, на долю секунды потерял уверенность, скользнув по разгромленной комнате, связанным ногам мужчины, телу женщины с пакетом на лице. А затем он увидел её. Маленькую девочку в пижаме с созвездиями, сидящую на полу рядом с матерью.

Офицер медленно, чтобы не напугать её, присел на корточки, стараясь оказаться с Лорелин на одном уровне. — Всё будет хорошо, малышка, — произнёс он мягко, но твёрдо. — Мы здесь. Мы тебя не обидим. Как тебя зовут?

Лорелин подняла на него заплаканные, опухшие глаза и еле слышно прошептала: — Лорелин...

Офицер медленно кивнул, обменявшись коротким, многозначительным взглядом со своим напарником, который уже говорил в рацию, вызывая следственную группу и медиков. — Лорелин, меня зовут офицер Харрис, — сказал он, и в его голосе появилась та самая твёрдая уверенность, которая сейчас была ей так нужна. — Мы позаботимся о тебе. Но мне нужно, чтобы ты была храброй ещё совсем немного. Хорошо?

Девочка слабо кивнула. Слезы продолжали катиться по щекам, но она перестала всхлипывать, вспомнив мамины слова: *нужно быть сильной*.

Харрис осторожно снял свою форменную куртку и накинул ей на плечи. Ткань была большой и тёплой, она почти

полностью укрывла маленькую фигурку. — Пойдём, — он аккуратно поднял её на руки, стараясь не подводить слишком близко к телу матери. — Давай выйдем на улицу. Там будет легче дышать.

Лорелин в последний раз оглянулась на родителей. В её глазах читалась смесь боли и непонимания, будто она всё ещё ждала, что этот страшный сон закончится. Но дом молчал.

На улице их ждал хаос, окутанный синим и красным мерцанием проблесковых маячков. Полицейские машины, криминалисты в белых комбинезонах, суета. К ним тут же подошла женщина-медик с добрым, усталым лицом. — Привет, солнышко. Меня зовут доктор Эванс, — она присела перед девочкой, не пытаясь отнять её у офицера. — Давай мы с тобой зайдём в машину скорой помощи? Там тепло, и мы проверим, не ушиблась ли ты.

Лорелин позволила увести себя. Внутри фургона было действительно тепло. Доктор Эванс укутала её в плед и протянула маленькую чашку с тёплым сладким чаем. — Расскажи мне, что произошло, — мягко попросила она. — Всё, что ты помнишь.

Лорелин сделала глубокий вдох, сжала в руках плюшевого медведя и начала говорить. Сначала сбивчиво, прерываясь на всхлипывания, но постепенно её рассказ становился связным. Она рассказала про укладывание спать, про звонок, про шкаф и мамино обещание вернуться.

Офицер Харрис стоял у открытой задней двери, слушал внимательно, изредка делая пометки. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах читалась глубокая, тяжёлая печаль. Он понимал, что эта малышка только что потеряла всё.

Когда Лорелин закончила, доктор Эванс накрыла её холодную руку своей тёплой ладонью. — Ты очень смелая девочка, Лорелин. Ты всё сделала правильно, послушав маму. Это спасло тебе жизнь.

Харрис наклонился к ней: — У тебя есть кто-то из родных, кого мы можем вызвать? Бабушка, тётя?

Девочка на мгновение задумалась, словно вспоминая жизнь из другого, давно забытого мира. — Бабушка Маргарет... Она живёт в соседнем городе.

— Отлично, — офицер уже доставал телефон. — Мы свяжемся с ней прямо сейчас. Она приедет за тобой.

Лорелин почувствовала, как напряжение, сковывавшее её тело последние часы, начало медленно, неохотно отпускать. Впервые за эту бесконечную ночь в груди затеплилась крошечная, хрупкая искра надежды.

Она глубже зарылась в плед, прижалась щекой к потрепанной голове плюшевого медведя и закрыла глаза. Шок начал брать своё. Мир вокруг стал ватным, звуки приглушились, превратившись в далёкий гул. Она не уснула по-настоящему — её сознание просто провалилось в тяжёлую, тревожную дремоту, сжимая единственное, что у неё осталось, так крепко, что побелели костяшки пальцев.

Дом, который ещё недавно был её крепостью, теперь стал местом преступления. Но сейчас, под мигание синих огней и тихий голос доктора, это было не так важно. Главное – она была жива. И кто-то наконец взял на себя заботу о ней.

Дыхание Нью-Йорка: начало пути

Много лет спустя....

Нью-Йорк плавился.

Воздух над асфальтом дрожал, превращая улицы в гигантскую, раскалённую духовку. Даже Манхэттен, привыкший ко всему, задыхался под тяжестью свинцового неба. Солнце не светило — оно жгло, безжалостно выжигая последние островки тени с тротуаров. Стеклообразные небоскрёбы отражали лучи, осыпая прохожих мириадами ослепительных, режущих глаз бликов.

На Пятой авеню такси гудели, как разъярённый улей. Пешеходы, выныривая из спасительной тени козырьков, перебежали открытые пространства, прикрывая головы сумками или ладонями. В Центральном парке листья повисли, как мокрые тряпицы, а у фонтанов толпились люди, жадно ловя брызги воды. Над Бруклинским мостом висела плотная дымка из жары, выхлопных газов и городской пыли, в которой силуэты зданий расплывались, словно декорации к плохому сну.

На крыше одного из высотных зданий в Мидтауне, далеко от уличного гудения, стоял мужчина в тёмном, безупречно отглаженном костюме. Он смотрел на горизонт, где город тонул в мареве. В руке он держал стакан с виски — лёд в нём уже давно превратился в воду. Ветер, чуть более прохладный

на этой высоте, трепал его волосы.

Он сделал глоток, поставил стакан на парапет и достал из внутреннего кармана плотный белый конверт. Ни адреса, ни марки. Только короткий цифровой код, напечатанный мелким шрифтом внизу.

Мужчина разорвал конверт, выудил лист бумаги и пробежал глазами по строчкам. Его лицо осталось маской спокойствия, но в глубине глаз вспыхнул холодный, хищный огонь. Он аккуратно сложил записку, спрятал её и, бросив последний взгляд на суету внизу, скрылся в тени лестничной клетки.

Такси с тихим шипением кондиционера остановилось у обочины на Джей-стрит, в районе ДАМБО.

Лорелин вышла на улицу, и жара ударила по ней физической волной. Пот мгновенно выступил на висках. Её светлые волнистые волосы, уложенные с утра в свободные локоны, уже начали терять форму. Белая блузка неприятно прилипла к лопаткам, а чёрные туфли на каблуке, казалось, раскалялись с каждым шагом.

Она прищурилась, пытаясь пробиться взглядом сквозь хаотичные блики витрин, и почти бегом бросилась к вывеске небольшой кофейни — единственному спасительному островку тени на этом отрезке пути.

Переступив порог, она с облегчением выдохнула. Воздух здесь был прохладным и густым, насыщенным ароматом свежемолотого кофе, корицы и ванили. Кондиционер гудел на

пределе возможностей, и эта прохлада коснулась разгорячённого лица, как бальзам.

Кофейня была уютной и тесной. Терракотовые стены, полки с банками чая, длинные стойки из тёмного дерева. За машиной хлопотала бариста — рыжеволосая девушка с яркими веснушками и фартуком в клетку.

Она подняла глаза и улыбнулась: — Добро пожаловать! Спасаетесь от пекла?

Лорелин подошла к стойке, смахивая капельки пота со лба: — О, что-нибудь ледяное. И очень крепкое. Пожалуйста.

Девушка понимающе кивнула, её пальцы уже ловко двигались к кофемашине: — Понимаю. Сегодня город решил нас всех поджарить. Двойной американо со льдом? Могу добавить мяту для свежести.

— Идеально. Спасибо.

Пока напиток готовился, бариста окинула Лорелин быстрым, но внимательным взглядом: — Вы в порядке? Выглядите так, будто бежали марафон.

— Просто очень жарко, — Лорелин слабо улыбнулась, хотя внутри всё сжалось в тугую узел.

Она рассеянно наблюдала за прохожими сквозь витринное стекло. Кто-то торопился, нервно жестикулируя у уха с телефоном, кто-то брёл в полуденной дремоте. Время словно замедлило ход. Шипение пара, приглушённый гул голосов, тиканье настенных часов — всё звучало будто сквозь толщу

воды.

И в этот момент звонкий, дерзкий лязг дверного колокольчика разорвал тягучую тишину.

Лорелин обернулась.

В помещение вошёл мужчина. Высокий, в простой, но дорогой тёмной футболке. Его длинные волосы были небрежно собраны в пучок на затылке, но несколько прядей выбились и падали на лоб. Он не выглядел вспотевшим или уставшим от жары. Напротив, он двигался с плавной, хищной уверенностью.

Его взгляд скользнул по залу и на долю секунды задержался на Лорелин.

Это был не случайный взгляд. Он был изучающим, холодным и пугающе спокойным. От этого короткого контакта по спине Лорелин пробежал мороз, не имеющий ничего общего с кондиционером. Внутри что-то ёкнуло — инстинктивный сигнал тревоги, хорошо знакомый ей с детства.

Мужчина подошёл к стойке, тихо сделал заказ, забрал свой чёрный кофе и, не оборачиваясь, вышел на улицу. Дверь за ним захлопнулась, отрезая зной, но оставляя после себя тяжёлое, липкое ощущение присутствия.

— Вот, держите, — голос баристы вернул её в реальность. Девушка протянула высокий стакан, запотевший от конденсата. — Ваш американо с мятой. Освежает лучше любого кондиционера.

— Спасибо, — Лорелин взяла стакан. Холодный пластик

приятно обжёг ладонь. Она сделала глоток. Крепкий, горький, ледяной. Напряжение в груди чуть отпустило.

Она вышла обратно на улицу, стараясь держаться в тени высоких зданий. Горячий асфальт, гул машин, обрывки чужих разговоров — всё это отступило на второй план. Лорелин достала телефон. Экран ярко вспыхнул на солнце. Она открыла сообщение, которое перечитывала уже в десятый раз:

«От: Полицейское управление, 9-й участок. Уважаемая Лорелин Хейл! В связи с рассмотрением вашей кандидатуры на должность детектива, приглашаем вас на собеседование. Дата: 15 июля, 10:00. Место: Полицейское управление девятого участка, ул. Джей-стрит, 47. С уважением, капитан М. Грэхем».

Строгие формулировки, официоз. Но за ними проступало нечто большее: пропуск в новую реальность. В искру, из которой она надеялась разжечь пламя справедливости.

«Один шаг, — мысленно скомандовала она себе. — Потом другой. Прошлое осталось за дверью».

Она допила кофе и выбросила стаканчик в урну. Впереди, словно вынырнув из марева, возникло здание. Полицейское управление девятого участка.

Оно возвышалось во всей своей монументальной строгости. Красный кирпич, выложенный с почти ритуальной аккуратностью, придавал строению суровую, вековую надёжность. Казалось, эти массивные стены хранили в себе ис-

тории сотен расследований и тысячи сломанных судеб. Высокие окна, обрамлѐнные строгими карнизами, напоминали бдительные глаза, неусыпно следящие за улицей.

У входа приютился небольшой сквер с аккуратно подстриженными кустарниками. Контраст был разительным: строгая монументальность здания и эта нарочитая, почти демонстративная уютность. Будто полиция хотела сказать: «Мы суровы, но мы здесь, чтобы защитить вас».

У тротуара замерла патрульная машина — привычный атрибут правопорядка. Но взгляд Лорелин невольно притянул другой автомобиль, припаркованный чуть поодаль. Чѐрный Chevrolet Camaro сверкал лаковыми боками. Его агрессивный силуэт кричал о скорости и власти, странно контрастируя с консервативной статикой полицейского участка. Лорелин на секунду задумалась: кто мог приехать сюда на такой машине?

Она глубоко вздохнула, поправила выбившуюся прядь волос и направилась к широким ступеням. Страх отступал, сменяясь холодной, звенящей решимостью. Лорелин толкнула тяжѐлую стеклянную дверь и вошла внутрь.

Вестибюль встретил её прохладой и приглушѐнным, деловым гулом. Просторное помещение с высоким потолком было выстроено по принципу строгой функциональности. Стены отделаны панелями из тѐмного дуба, потѐртыми тысячами прикосновений. Пол выложен крупной плиткой цвета сланца.

В центре зала на жёстких скамейках сидели посетители: пожилая женщина, прижимающая к себе потрёпанную сумочку, парень в рабочей спецовке, обеспокоенные родители с подростком. Все ждали.

Прямо напротив входа, за массивной стойкой, сидел дежурный офицер. Его некогда чёрные волосы теперь густо тронула седина, придавая облику оттенок усталой благородности. Широкий лоб избороздили глубокие морщины — не просто следы времени, а шрамы пережитых историй. Светло-карие глаза смотрели с профессиональной, холодноватой настороженностью человека, видевшего слишком многое, чтобы удивляться пустякам.

Над стойкой висела большая схема района, испещрённая цветными флажками, и доска объявлений с ориентировками. Справа, на видном месте, висел большой плакат с портретом пропавшего ребёнка. Лорелин на долю секунды задержала на нём взгляд. Мальчик лет десяти, улыбающийся во весь рот. Под фото — номер горячей линии. Она отвела глаза, сглотнув подступивший к горлу ком.

Стрелки больших круглых часов над дверью в дежурную часть показывали 9:47.

Лорелин подошла к стойке. Дежурный поднял глаза, окинув её внимательным, оценивающим взглядом. В нём не было подозрительности — лишь мгновенная, отточенная годами службы классификация: кто ты, зачем ты здесь и представляешь ли ты угрозу.

— Чем могу помочь? — спросил он низким, ровным голосом.

— Лорелин Хейл, — её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — У меня собеседование с капитаном Грэхемом. На десять часов.

Офицер кивнул, не сводя с неё глаз, и протянул руку: — Документ, пожалуйста.

Лорелин достала водительские права и положила их на стойку. Дежурный бегло сверил фото, затем что-то быстро набрал на клавиатуре.

— Четвёртый этаж, кабинет 412, — он вернул ей документ, и в его взгляде мелькнуло нечто похожее на одобрение. — Лифт в дальнем конце зала. Не опаздывайте, мисс Хейл. Капитан этого не любит.

— Спасибо.

Лорелин забрала права и направилась вглубь зала. Она бросила последний взгляд на схему района, на плакат с мальчиком, на массивные двери лифта с потёртыми бронзовыми панелями.

Она нажала кнопку вызова. Стрелки часов неумолимо приближались к цифре десять. Двери лифта с тихим лязгом разъехались в стороны, приглашая её в полумрак шахты. Лорелин шагнула внутрь. Обратного пути не было.

Лифт тронулся плавно, но с лёгким, едва уловимым лязгом. Дверцы сомкнулись, отсекая шум вестибюля. Лорелин выдохнула, поправила воротник блузки и приготовилась.

Четвёртый этаж встретил её запахом крепкого кофе, озона от перегретой оргтехники и старой бумаги. Здесь царила иная атмосфера: не показная строгость первого этажа, а напряжённая, рабочая концентрация.

Открытое пространство было разделено низкими перегородками. Офицеры в форме склонялись над мониторами или говорили в телефоны короткими, рублеными фразами. У дальней стены двое детективов в гражданской одежде спорили над разложенными фотографиями с места преступления, тыча пальцами в снимки. Воздух вибрировал от стука клавиатур, шелеста страниц и редких, отрывистых команд по рации.

Как только Лорелин переступила порог, на долю секунды в помещении повисла пауза. Несколько голов повернулись в её сторону, оценивающе сканируя новенькую, прежде чем вернуться к работе.

Исключением стала тройка детективов у окна. Они прервали разговор, и их взгляды прилипли к ней.

— Журналистка? — тихо бросил первый. Высокий, с резкими, словно высеченными из мрамора чертами лица и пронзительными зелёными глазами. В его тоне сквозила ленивая насмешка.

— Слишком молода для прессы и слишком официально одета, — возразил второй, постарше, в помятом пиджаке. — Посмотри на её взгляд. Не испуганный, не ищущий покровительства. Сосредоточенный.

Третий детектив, самый молодой, молчал. Он стоял, скрепив руки на груди. На нём была чёрная кожаная куртка, из-под которой виднелась белая футболка, а на бедре, под тканью брюк, угадывалась жёсткая форма кобуры. Когда его взгляд встретился с взглядом Лорелин, произошло что-то странное.

На мгновение шум офиса стих. Детектив не просто посмотрел на неё — он будто *почувствовал* её. Короткий, почти мистический всплеск интуитивного резонанса, от которого по коже пробежали мурашки. Это было не физическое влечение, а скорее узнавание: хищник почуял другого хищника, или, возможно, равного себе. Он моргнул, странное ощущение исчезло, и он лишь чуть приподнял бровь, словно немой вопрос: «*Ну и что ты здесь делаешь?*»

Лорелин не отвела глаз. Она выпрямилась, коротко кивнула им, будто подтверждая некий негласный вызов, и уверенно направилась к третьей двери справа. Её каблуки глухо стучали по синему ковровому покрытию, отмеряя ритм её решимости.

Она остановилась перед массивной дубовой дверью с табличкой: «*Капитан М. Грэхем*». Три чётких удара.

— Войдите, — раздался из-за двери низкий, хрипловатый голос.

Кабинет оказался просторным, но аскетичным. Огромный письменный стол, два гостевых кресла и высокие окна, прикрытые жалюзи так, что в комнату проникали лишь уз-

кие полосы дневного света.

За столом сидел Маркус Грэхем. Мужчина средних лет с сединой на висках и лицом, изрезанным морщинами не столько от возраста, сколько от бессонных ночей и тяжёлых решений. Его светло-карие глаза смотрели спокойно, но с пугающей пронизательностью.

Но больше всего внимание Лорелин привлекли не строгие портреты на стенах и не безупречный порядок в кабинете. Её взгляд, натренированный замечать детали, выхватил странность: за рядами стандартных полицейских уставов и сводов законов на полке теснились потрёпанные тома в кожаных переплётах. Корешки были исписаны символами, которые она не могла прочитать, но которые отдавали древностью и чем-то тревожным. В воздухе, помимо запаха кофе, витал тонкий аромат старых пергаментов и сухой полыни.

— Лорелин Хейл, — произнёс капитан, не глядя в бумаги перед собой. Он уже знал, кто она. — Проходите. Садитесь.

Она села, сохраняя прямую спину. — Спасибо, что приняли меня, капитан.

Грэхем сцепил пальцы в замок и внимательно изучил её. — Я читал ваше досье. И не только то, что в официальной базе. Я знаю, что вы пережили в детстве. Знаю, почему вы так упорно добивались места именно в девятом участке, игнорируя более спокойные предложения.

Лорелин напряглась, но не подала виду. — Я хочу работать там, где это действительно имеет значение. Там, где рас-

крывают дела, а не кладут их в стол.

— В этом участке дела в стол не кладут, мисс Хейл, — голос капитана стал тише, но твёрже. — Но некоторые из них не попадают в официальные отчёты вообще. Вы упомянули в анкете, что обладаете «нестандартной интуицией». Что вы имеете в виду?

Лорелин встретила с ним взглядом. — Я вижу связи там, где другие видят хаос. Я чувствую, когда человек лжёт. И я знаю, что в этом мире есть вещи, которые не поддаются обычной логике. Я не боюсь смотреть на них.

В кабинете повисла тишина. Слышно было лишь тиканье настенных часов. Грэхем медленно кивнул. В его глазах мелькнуло нечто похожее на удовлетворение.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Посмотрим, оправдывает ли ваша интуиция мои ожидания.

Он встал из-за стола и направился к книжному шкафу. Лорелин следила за его движениями, когда он нажал на незаметный выступ у основания полки. С тихим щелчком задняя стенка шкафа отъехала в сторону, открывая встроенный сейф.

Капитан ввёл комбинацию, достал два предмета и положил их на стол перед ней.

Первым был значок. Не обычный полицейский жетон, а из тёмного, воронёного металла, с выгравированной эмблемой: весы, перечёркнутые мечом, и надпись «*Отдел особых расследований*». Вторым была кобура с компактным, но мощ-

ным пистолетом Sig-Sauer P226. Оружие выглядело не новым, но содержалось в идеальном состоянии, словно продолжение руки владельца.

Лорелин замерла. — Это... шутка?

— В нашем деле шутки заканчиваются быстро и кроваво, — Грэхем смотрел на неё в упор. — Это не стажировка, детектив Хейл. Я не ищущу помощницу для заполнения бумажек. Мне нужен человек, который способен видеть то, что скрыто за фасадом реальности. И не сойдёт с ума от этого зрелища.

Он придвинул значок ближе к ней. — Вы готовы взять на себя эту ответственность? Знать то, о чём не говорят вслух, и защищать тех, кто даже не подозревает об угрозе?

Лорелин посмотрела на холодный металл значка. В голове на мгновение всплыли образы прошлого: тьма шкафа, тишина дома, холодная мамина рука. Тот страх закалил её. Она больше не была той беспомощной девочкой.

Она протянула руку и твёрдо взяла значок. Затем уверенно взяла кобуру. Вес оружия был ощутимым, grounding — заземляющим. Она быстро и ловко пристегнула кобуру к ремню под пиджаком, а значок прикрепила к лацкану. Движения были отточены, будто она делала это всю жизнь.

— Я готова, — произнесла она. И в её голосе не было ни тени сомнения.

Грэхем впервые за всё время позволил себе слабую, почти незаметную улыбку. — Тогда добро пожаловать в Отдел, детектив Хейл. Ваше первое правило: доверяйте своим ин-

стинктам, но всегда перепроверяйте факты. Второе правило: если почувствуете, что ситуация выходит из-под контроля, вы немедленно докладываете мне. Без исключений.

— Поняла, сэр.

— Отлично. — Капитан взял со стола ключи и направился к двери. — Пойдёмте. Пора познакомить вас с вашей новой командой. И, Хейл?

Она обернулась на пороге. — Да, капитан?

— Не обращайтесь внимания на детектива в кожаной куртке. У него тяжёлый характер, но он лучший следопыт, который у нас есть. Он вам пригодится.

Лорелин шагнула в коридор следом за ним. Гул офиса встретил их вновь, но теперь она слушала его иначе. Это был не просто шум полицейского участка. Это был ритм фронта, на который она только что заступила. И она была готова к войне.

Капитан шёл быстро, задавая чёткий ритм, а Лорелин старалась не отставать, на ходу впитывая атмосферу места, которое отныне станет её вторым домом. Взгляд скользил по знакомым по учебникам деталям: доски с ориентировками, горы папок, карты города, испещрённые красными метками.

Они свернули за угол, и перед ними открылся основной оперативный зал. Десятки столов, гул голосов, звонки телефонов и стук клавиатур. При появлении капитана разговоры на мгновение стихли. Десятки глаз оценивающе уставились на новенькую.

Грэхем поднял руку, призывая к тишине.

— Минуту внимания, коллеги. Это детектив Лорелин Хейл. Новый сотрудник отдела особых расследований. Она работает под моим непосредственным руководством. Прошу оказать содействие.

По залу прокатился сдержанный гул. Кто-то кивнул, кто-то вернулся к мониторам, но напряжение в воздухе осталось.

Грэхем коротко кивнул в сторону троих мужчин, стоявших у дальней стены.

— Лорелин, ты будешь работать в паре с детективом Кевином Эллингтоном.

Эллингтон сделал шаг вперёд. Это был мужчина лет сорока с пронзительными, светло-серыми, почти стальными глазами, которые, казалось, видели слишком много плохого, чтобы удивляться чему-либо. В его позе читалась не лень, а экономия энергии: он был как сжатая пружина, готовая разжаться в любую секунду.

Его холодный взгляд скользнул по Лорелин сверху вниз. В нём не было ни насмешки, ни приветствия. Только чистая, безжалостная профессиональная оценка. «Покажи, на что ты способна, или исчезни», — читалось в его молчании.

Рядом с ним стоял Рафаэль Варгас. Его внешность была разительным контрастом: высокие скулы и волевой подбородок придавали его лицу скульптурную строгость, а тёмная, словно полированное эбеновое дерево кожа ярко контрастировала с белоснежным воротником рубашки. Глубо-

ко посаженные карие глаза хранили спокойную, мудрую тяжесть. Единственным намёком на бунтарское прошлое была крошечная золотая серьга-спираль в левом ухе. Под воротником угадывался контур простого амулета на шнурке, а на шее на тонкой цепочке поблёскивал серебряный жетон. Варгас смотрел на Лорелин с тихим, выжидательным интересом.

Третьим был Леам Грей. Мужчина в безупречно сидящем, но слегка поношенном чёрном костюме тут же расплылся в тёплой, обезоруживающей улыбке. Его тёмные волосы с лёгким золотистым отливом были уложены с педантичной аккуратностью, но усталые морщинки вокруг глаз выдавали человека, который редко спит по ночам.

— Сэр, с уважением, — голос Эллингтона прозвучал ровно, но в нём звенела сталь, — но я привык работать один. Зачем мне напарник? Тем более новичок, который ещё не отличает переулочек ДАМБО от туристической тропы.

Лорелин сжала челюсти, но не отвела взгляд.

— Я не прошу поблажек, детектив. И я не собираюсь отсиживаться в кабинете.

Эллингтон слегка приподнял бровь, словно удивлённый такой прямоотой, но тут же перевёл тяжёлый взгляд на капитана.

— Кевин, я слышал твои аргументы сотню раз, — спокойно перебил его Грэхем. — Но времена меняются. Преступления, которыми занимается наш отдел, становятся сложнее. Ты — лучший следопыт на этих улицах, но ты упираешься

В ПОТОЛОК.

Капитан сделал шаг ближе, понизив голос так, чтобы слышали только они.

— Лорелин закончила Квантико. Поведенческий анализ, криминальная психология, современные методы работы с уликами. У тебя есть инстинкты и опыт, Кевин. У неё — методология и свежий взгляд. Вы не будете нянчиться друг с другом. Вы будете дополнять друг друга. Это не прихоть. Это стратегическая необходимость.

Эллингтон молчал, обдумывая слова. Его взгляд снова метнулся к Лорелин. На этот раз он задержался дольше. Он искал трещину в её броне, страх или неуверенность, но нашёл лишь упрямую решимость.

— Хорошо, сэр, — наконец выдохнул он, и в его голосе всё ещё звучала лёгкая досада. Он повернулся к Лорелин. — Я дам тебе шанс. Но предупреждаю сразу: я не буду повторять дважды. Если ошибёшься, подставишь не только себя, но и весь отдел. Здесь нет права на ошибку.

— Меня это устраивает, — твёрдо ответила Лорелин.

— Добро пожаловать в ад, детектив, — усмехнулся Леам Грей, разряжая обстановку. — Не пугайся нашего мрачного коллеги. В деле он как гончая: берёт след и не отпускает, пока не загонит дичь. А мы всегда прикроем тылы.

— Рады пополнению, — эхом добавил Варгас, его низкий, хрипловатый голос звучал искренне. — Свежий взгляд иногда замечает то, что мы, старые волки, уже перестали видеть.

Лорелин кивнула им, чувствуя, как внутри расправляются крылья. Она выдержала проверку.

Но торжество длилось недолго.

Резкий, пронзительный звонок дежурного телефона разорвал установившуюся тишину.

Офицер Моррис, коренастый мужчина с залысинами, сидевший за ближайшим столом, схватил трубку ещё до второго гудка.

— Девятый участок, слушаю.

В зале мгновенно воцарилась рабочая тишина. Все знали: если звонят на этот аппарат, хорошего не жди. Моррис слушал, его лицо каменело. Он быстро чиркал карандашом по блокноту, пару раз переспрашивая детали.

— Понял. Оцепляем периметр. Ждём криминалистов и коронера. Высылаем группу, — он положил трубку и резко поднял глаза на Грэхема. — Сэр, свежий вызов. Переулок за Пятой авеню. Дворник наткнулся на тело. Предварительно — мужчина, смерть насильственная. Свидетель в шоке, но утверждает, что видел, как от места преступления уходила тень.

Слово «тень» повисло в воздухе, тяжелое и многозначительное, зацепившись за ту самую сверхъестественную грань, о которой говорил капитан.

Эллингтон уже накидывал на плечи свою потёртую кожаную куртку. Его лицо мгновенно преобразилось: усталость и скепсис испарились, уступив место холодной, хищной со-

средоточенности. Он бросил быстрый, проверяющий взгляд на Лорелин.

— Ну что, выпускница Квантико, — бросил он, направляясь к выходу. — Урок первый начинается сейчас. Постарайся не отстать.

Лорелин не стала тратить время на ответ. Она инстинктивно проверила, легко ли выходит пистолет из кобуры, глубоко вздохнула и решительно шагнула следом за ним.

Через три минуты группа уже покидала участок. Лорелин шла чуть позади Эллингтона, стараясь попадать в его быстрый ритм. В голове крутилась одна мысль: «Хватит теорий. Только факты, улики и человек, который больше никогда не вернётся домой».

На парковке царил организованная суета. Капитан Грэхем уже занимал место в своём внедорожнике. Следом за ним к своим машинам направились Грей и Варгас.

Эллингтон, не удостоив Лорелин даже мимолётным взглядом, рывком распахнул водительскую дверь чёрного Chevrolet Camaro.

— Садись. Справа. Быстро, — бросил он, и в его голосе не было места для дискуссий.

Лорелин подавила вздох, быстро проскользнула в салон и щёлкнула ремнём безопасности. Эллингтон завёл мотор. Двигатель взревел низким, утробным рыком, и машина рванула с места, едва не сорвав резину с асфальта.

Он вёл агрессивно и виртуозно. Резкие перестроения,

проскальзывание между рядами, игнорирование желтого сигнала светофора. Город за окном превратился в размытую акварель из стекла, стали и кирпичных фасадов. Лорелин вцепилась в ручку над дверью, но старалась не подавать виду, что её укачивает.

— Приготовься, — вдруг произнёс Эллингтон, не отрывая взгляда от дороги. Его профиль был жёстким, как высеченный из камня. — Там, куда мы едем, нет места иллюзиям из твоих учебников. Только грязь и факты. Если не готова их принять, скажи сейчас, и я развернусь.

Лорелин выровняла дыхание и посмотрела ему прямо в профиль.

— Я готова, детектив.

Эллингтон лишь коротко хмыкнул, но в этом звуке ей почудилось нечто, отдалённо напоминающее одобрение.

Они свернули в мрачный переулок за Пятой авеню, где жара стояла особенно густая, спёртая, пахнувшая перегретым асфальтом и застарелой мусорной гнилью. Впереди уже маячили мигалки патрульных машин и жёлтая лента оцепления.

У входа в переулок, за спиной патрульных, плотной стеной стояли зеваки и пресса. Среди них выделялась репортёр с медно-рыжими волосами, собранными в небрежные волны. Эмма Смит. Она стояла перед камерой... Эллингтон, выходя из машины, бросил в сторону журналистки тяжёлый, ледяной взгляд. Эмма заметила его...

— ...Мы ведём прямой эфир из переулочка у Пятой авеню,

где полиция оцепила место обнаружения тела. По предварительным данным, речь идёт о насильственной смерти. На месте работает оперативная группа девятого участка...

— Игнорируй её, — бросил Эллингтон, проходя под жёлтой лентой. — Она питается чужими трагедиями.

Лорелин шагнула следом за ним, и запах ударил её в нос мгновенно: сладковатый, тошнотворный запах свежей крови, смешанный с пылью.

Мужчина лежал на спине в трёх метрах от кирпичной стены. Картина была чудовищной. Ему было лет сорок пять. Его тело казалось неестественно вывернутым: левая рука заломлена под невыслышимым углом, бедро пробито выступающей костью, а грудная клетка была деформирована так, словно по ней проехался грузовик.

Но страшнее всего была голова. Затылочная часть была буквально размозжена. Глубокие, рваные раны с неровными краями обнажали кость. Кровь, уже начавшая густеть, образовала вокруг головы тёмную, вязкую лужу, в которой отражалось слепящее полуденное солнце. Лицо жертвы застыло в гримасе немого, застывшего ужаса, с широко раскрытым остекленевшим глазом.

Рядом с телом, игнорируя жару, работала судмедэксперт. Высокая женщина с короткой стрижкой «пикси» иссиня-чёрного цвета. Она стояла на коленях, её движения были экономными и точными.

— Множественные переломы конечностей и открытая че-

репно-мозговая травма затылка, — бормотала она в диктофон, осторожно приподнимая окровавленный рукав пиджака. — Удары наносились с нечеловеческой силой. Орудие — тяжёлое, с плоской ударной поверхностью. Металлическая труба или, возможно, лом.

Она аккуратно раздвинула слипшиеся пряди волос на затылке жертвы и вдруг замерла. Прищурилась.

— Интересно... — пробормотала она. — В глубине раны видны микроскопические частицы с неестественным металлическим блеском. Не похоже на обычную ржавчину. Нужно будет отправить на спектральный анализ.

Рядом с ней, словно тень, двигался фотограф — молодой парень в массивных очках. Он щёлкал затвором с ритмичностью метронома, не упуская ни одной детали.

— Бекки, чуть левее, — бросил он, не отрываясь от видискателя. — Ты перекрываешь свет на следах обуви.

— Только не задерживай, Джейсон, — парировала судмедэксперт, слегка отодвигаясь.

— Готово. Общий план, четыре ракурса тела, макро ран, — Джейсон быстро пролистал снимки на экране, кивнул сам себе и опустил камеру. — Можешь забирать его, Бекки.

Заметив приближение капитана и детективов, Бекки Росс поднялась на ноги. Она сняла окровавленную перчатку, и её суровое лицо тут же озарила тёплая, искренняя улыбка.

— Привет! Я Бекки Росс, — она протянула Лорелин руку. — Ты, должно быть, та самая новенькая, о которой все

шепчутся. Лорелин Хейл?

— Да, очень приятно, — Лорелин крепко пожала её руку, стараясь не обращать внимания на липкость собственной ладони.

Эллингтон лишь молча кивнул в сторону Бекки, его лицо оставалось маской непроницаемости. Капитан Грэхем стоял чуть поодаль, заложив руки за спину. Он не смотрел на тело, его холодный, изучающий взгляд скользил по стенам перелука, выискивая то, что не могли увидеть другие.

— Что скажешь, Бекки? — спросил Грэхем, его голос был тихим, но отчётливым в наступившей тишине.

— Скажу, что это не уличная драка, капитан, — Бекки снова посмотрела на изуродованное тело. — Это была казнь. Или охота. Удары наносились с такой яростью и силой, которая не свойственна обычному человеку в состоянии аффекта. И эти частицы в ране... Я такого раньше не видела.

Она повернулась к телу, указывая на повреждения, но не касаясь их.

— Смотрите на руки и ноги. Переломы предплечий и голеней носят классический защитный характер. Жертва видела нападавшего и пыталась закрыться. Это не было внезапным ударом в спину.

Лорелин наклонилась ближе, жадно впитывая каждую деталь.

— А черепно-мозговая травма? — спросил Эллингтон, прищурившись. — Вы упоминали металл.

— Да. Судя по вдавленным переломам затылочной кости, финальный удар был нанесён тяжёлым предметом с плоской поверхностью. Ломом или трубой. Но есть нюанс, — Бекки указала на зияющую рану. — В глубине я обнаружила микрочастицы с неестественным металлическим блеском. Не ржавчина, не обычная грязь. Я отправлю их на спектральный анализ. Это может быть ключом к орудию преступления.

Капитан Грэхем медленно потёр подбородок.

— То есть мы ищем не грабителя, совершившего ошибку. Мы ищем того, кто методично избивал жертву, а потом добил.

— И, вероятно, удерживал, — добавила Бекки, указывая на запястья. — Параллельные ссадины. Следы от пластиковых стяжек или грубой верёвки.

Лорелин невольно вздрогнула, мысленно восстанавливая картину: связанный, пытающийся защититься человек, и холодный, расчётливый удар сзади. Она быстро сделала пометку в блокноте.

— Время смерти? — спросила она.

— Предварительно, 9–10 часов назад. С учётом жары и степени окоченения — между двумя и тремя часами ночи. Точнее скажу после вскрытия.

— И с остановкой часов, — тихо добавила Лорелин, сверяясь со своими записями. — Стрелки замерли на 2:15, — заметила Лорелин. — Стекло треснуло, циферблат вогнут.

Сильный удар о мостовую. Часы могли остановиться в момент падения.

Бекки кивает: — Согласна. Это даёт нам временную привязку.

Грэхем выпрямился, его фигура отбросила длинную тень на раскалённый асфальт.

— У нас есть временной коридор. Эллингтон, Хейл — опросите жильцов и проверьте здание. Бекки, жду предварительный отчёт через два часа. Двигайтесь быстро, пока следы не остыли окончательно.

Пока Бекки вернулась к работе, Лорелин осталась стоять у тела. Она медленно подняла голову, скользя взглядом вверх по кирпичному фасаду здания справа. В сознании, словно по щелчку, всплыли лекции из Квантико: баллистика свободного падения, сопротивление воздуха, распределение травм при ударе о твёрдую поверхность.

Она мысленно проложила линию от тела к стене. Расстояние около трёх метров. Характер повреждений: компрессионные переломы таза и позвоночника, множественные травмы конечностей. Всё это кричало о падении с большой высоты. Но защитные раны на руках? Их не объяснить простым падением.

Её взгляд зацепился за окно на восьмом этаже. Створка была распахнута слишком широко для такого зноя. Рядом виднелась старая пожарная лестница.

«Он не просто упал, — пронеслось в голове у Лорелин. —

Его сбросили. Или он сорвался, пытаясь сбежать, уже будучи избитым».

— Хейл! Ты с нами или будешь любоваться архитектурой? — голос Эллингтона вырвал её из транса. Он уже направлялся к выходу из переулка.

Лорелин моргнула, возвращаясь в реальность.

— Иду, — она поспешила за ним, но на ходу бросила: — Кевин, я думаю, его сбросили с восьмого этажа. С пожарной лестницы или балкона.

Эллингтон резко остановился и обернулся. В его стальных глазах мелькнуло удивление, быстро сменившееся холодным интересом.

— Обоснуй. И быстро.

— Защитные переломы говорят о том, что он сопротивлялся на земле или на лестнице. Но компрессионные травмы позвоночника и разлёт тела на три метра от стены типичны для падения с высоты не менее 25 метров. Окно на восьмом этаже открыто настежь. Его избивали там, а потом столкнули вниз, чтобы инсценировать несчастный случай или самоубийство.

Эллингтон молчал несколько секунд, изучая её лицо. Он искал неуверенность, но находил лишь спокойную уверенность.

— Неплохо, выпускница, — наконец произнёс он. — Но теория без доказательств — это галлюцинация. Сначала опросим свидетелей. Если найдём хоть намёк на борьбу на

восьмом этаже, мы поднимемся и проверим твою гипотезу.

Лорелин кивнула, чувствуя, как внутри разливается тёплая волна удовлетворения. Она не просто наблюдала. Она уже работала.

Тем временем детективы Грей и Варгас допрашивали дворника. Мистер Джонсон, коренастый мужчина лет шестидесяти с обветренным лицом, нервно мял в руках клетчатый платок, вытирая обильный пот.

— Ещё раз, мистер Джонсон, — мягко, но настойчиво произнёс Грей. — Вы обнаружили тело ровно в 11:05?

— Да, сэр. Точно. Я закончил у прачечной и свернул сюда. Увидел... это, — он судорожно сглотнул, не решаясь посмотреть в сторону оцепления, — и сразу набрал 911. Я специально глянул на телефон, чтобы время не забыть.

Варгас, облокотившись на кирпичную стену, молча изучал мужчину. Его цепкий взгляд фиксировал всё: подрагивающие пальцы, бегающие зрачки, капельки пота над верхней губой.

— Вы ничего не слышали перед этим? — спросил Варгас низким, успокаивающим голосом. — Крики, шум, звук разбитого стекла? Может, видели, как кто-то выходил из здания?

Дворник нахмурился, напрягая память. Затем медленно покачал головой.

— Нет, сэр. Ничего. В этом и дело... Было слишком тихо. Ни звуков, ни людей. Будто весь мир выключили. Я шёл,

подметал, свернул в переулок — и он уже лежал. Как будто из ниоткуда появился.

Грей нахмурился, делая пометку в блокноте.

— Абсолютная тишина в два часа ночи в этом районе? Странно.

— Именно, — эхом отозвался Варгас, когда они отошли на пару шагов. — Либо он глухой, либо преступник действовал так, что даже городские стены не издали ни звука. Либо это был кто-то, кого мистер Джонсон знает и боится назвать.

— В любом случае, нам нужны камеры, — резюмировал Грей. — Идём.

Они вернулись к группе как раз в тот момент, когда Лорелин заканчивала объяснять свою теорию.

— Что у вас? — спросил Грей, подходя ближе.

Эллингтон кивнул в сторону Лорелин:

— Наша новенькая выдвинула версию. Жертву могли сбросить с восьмого этажа.

Лорелин развернула планшет, показывая грубый набросок фасада:

— Смотрите. Расстояние от стены до тела — три метра. При падении с восьмого этажа с пожарной лестницы это идеальная траектория. Плюс характер травм. Нам нужно проверить эту квартиру и лестничные проёмы..

Варгас прищурился, глядя вверх:

— Если его сбросили, должны быть следы на фасаде. Или на перилах лестницы.

— Именно это мы и пойдём искать, — отрезал Эллингтон.

Капитан Грэхем, до этого молча наблюдавший за обменом репликами, скрестил руки на груди. Его голос прозвучал как приговор.

— Хорошо. Разбиваемся. Эллингтон, Хейл — вы поднимаетесь на восьмой этаж. Общайте всё: квартиры, балконы, лестницы. Ищите следы борьбы, кровь, оружие.

Грей, Варгас — берите под козырёк все камеры в радиусе квартала. Мне нужно знать, кто входил и выходил из этого здания с полуночи до трёх. Особое внимание на тех, кто выносил что-то тяжёлое или вёл себя неадекватно.

Бекки, как только будет что-то по частицам — сразу мне.

— Поняли, — хором отозвались детективы.

Группа на мгновение замерла, осознавая масштаб задачи. Убийство, замаскированное под падение.

Эллингтон кивнул Лорелин в сторону входа в здание.

— Ну что, напарница. Пошли посмотреть, что там, наверху. И постарайся не наступать на потенциальные улики своими модными туфлями.

Лорелин не стала отвечать на колкость. Она лишь проверила, застёгнута ли кобура, и решительно шагнула в тень подъезда, оставляя позади раскалённый, гудящий переулок. Впереди была настоящая работа.

Погоня за истиной

Отблеск города на двоих

Солнце давно скрылось за горизонтом, и сумерки плотно окутали Нью-Йорк. В девятом участке заметно поубавилось людей: дневная смена разошлась, оставив после себя лишь приглушённый гул ночных офицеров и стук клавиш в пустых кабинетах.

Лорелин и Кевин направились в свой угол оперативного зала. Первым делом они развернули «доску расследования».

Лорелин методично крепила фотографии на магнитную доску, выстраивая визуальную карту расследования. Сверху вниз: общий план тела в переулке; крупный план синяков на шее Эмили и ссадин на запястьях; семейное фото Дайсонов; фото кабинета с выдвинутым ящиком и царапинами на паркете. И в центре, как ось всего дела, — пакет с уликой: клочок синей ткани. Рядом Лорелин приколотла распечатку с камеры: размытый силуэт мужчины в темной куртке, слишком долго задержавшегося у подъезда.

Она захлопнула маркер и обернулась к Кевину. — Всё готово. — Пойдём, — тихо сказал он, забирая папку с досье. — Пора поговорить с нашим «другом» начистоту.

Комната для допросов встретила их спёртым воздухом, пахнущим старым кофе и дешевым дезинфицирующим средством. Минимализм здесь был не стилем, а инструментом: металлический стол, прикрученный к полу, два стула

для детективов, один жесткий — для подозреваемого, и зеркало, за которым скрывалась комната наблюдения.

Фрэнки Кирк уже ждал их. Он сидел, ссутулившись, руки в наручниках лежали на столе. При их входе он поднял глаза. В его взгляде читалась смесь бравады и липкого, животного страха.

Лорелин села напротив. Без лишних слов она бросила папку на стол. Глухой удар картона прозвучал в тишине как выстрел стартового пистолета.

Она не открывала её сразу. Она просто смотрела на него, выдерживая паузу. Секунда, другая, третья. Тишина сгущалась, заставляя подозреваемого ерзать. Фрэнки отвел взгляд, его кадык судорожно дернулся. Он скосил глаза на папку, пытаясь угадать, что там, но Лорелин держала руку на обложке, не давая ему этой информации.

Кевин остался стоять у двери, чуть в тени. Он не вмешивался, но его присутствие давило на комнату, как физический вес. Он был молчаливым стражем, чей холодный, немигающий взгляд фиксировал каждое подрагивание пальцев задержанного.

Медленно, нарочито неторопливо, Лорелин открыла папку и достала фотографию. Она положила её ровно по центру стола. — Узнаёте? — её голос был ровным, лишенным эмоций, но в нем звенела сталь.

На снимке были крупные планы багрово-фиолетовых гематом на шее Эмили Дайсон. Зрелище было жутким.

Фрэнки промолчал. Его пальцы нервно забарабанили по металлу стола, наручники тихо звякнули. — Я не хотел её трогать, — пробормотал он наконец, и слова вылетели сбивчиво. — Это... это недоразумение. Она сама на меня кинулась.

Лорелин чуть подалась вперед. — Недоразумение? — переспросила она, чуть приподняв бровь. — Пятьдесят человек видели, как вы душили женщину посреди Пятой авеню. Вы действительно думаете, что мы поверим в «недоразумение»?

Фрэнки сглотнул. Маска спокойствия треснула, в глазах заплесала паника. Он понял, что лжет неумело.

Лорелин встала и медленно обошла вокруг стола. Она двигалась тихо, изучая его не как монстра, а как сломанный механизм, в котором нужно найти дефектную деталь. И тут её взгляд зацепился за мелочь.

Синяя майка. Прямо в области груди, чуть левее центра, зияла небольшая, аккуратная дырка. Края ткани были слегка оплавлены или рваны специфическим образом.

Лорелин замерла. В памяти мгновенно всплыл образ из пакетика для улик: точно такой же клочок синей материи, найденный в щели балконного настила в квартире Дайсона.

— Интересная дырка на майке, Фрэнки, — произнесла она. Голос её стал тише, но от этого прозвучал ещё опаснее.

Фрэнки инстинктивно попытался прикрыть грудь плечом. — Не знаю. Может, зацепился где-то. Пока бежал от вас.

— Правда? — Лорелин вернулась на свое место и села, не отрывая от него взгляда. — А мы думали, что она образовалась, когда вы боролись с мистером Дайсоном на балконе, и часть ткани оторвалась, застряв в настиле. Мы как раз отправили ваш образец на экспертизу. ДНК и совпадение волокон покажут всё.

Это был блеф, поданный с абсолютной уверенностью. Но он сработал. Фрэнки побледнел. Его глаза метнулись к зеркалу, затем к Кевину, ища спасения или подсказки.

- Это не моё! Клянусь. Дырка на майке я зацепился за гвоздь на лестнице, когда бежал от вас. Вы можете проверить — там остались нитки и у меня нет криминального прошлого, если вы на это намекаете, — хрипло выпалил он, меняя тактику.

— Может, вам стоит держаться подальше от баров, Фрэнки? — раздался низкий, спокойный голос Кевина из угла.

Лорелин бросила на напарника короткий, едва заметный взгляд: «*Я веду*». Кевин молча кивнул и чуть отступил в тень, но его давление никуда не делось.

Лорелин перелистнула страницу в досье. Сухой шелест бумаги прозвучал как приговор. — Давайте к фактам. Где вы были сегодня с четырёх до восьми утра? Это займёт пару минут. Просто назовите место.

Фрэнки сжал челюсти. Внутренняя борьба была очевидна: язык чесался выдать какую-то дешевую отговорку, но страх перед экспертизой и тяжелым взглядом Кевина застав-

лял его молчать. Он глубоко вдохнул, выпрямился, и в его позе вдруг появилась заученная, неестественная жесткость.

— Я не желаю давать никаких показаний без адвоката, — отчеканил он.

В комнате повисла тишина. Лорелин медленно выдохнула. Она знала этот момент. Стена.

Она откинулась на спинку стула, нарочито расслабляя плечи, но её глаза оставались холодными. — Вы, конечно, вправе требовать адвоката, Фрэнки. Но задумайтесь: время — это ресурс, который не восполняется. Прямо сейчас улики собираются воедино. Каждая минута вашего молчания работает против вас.

Она наклонилась ближе, понизив голос до доверительного шепота, в котором, однако, не было ни капли сочувствия. — Я могу предложить вам выход. Честный разговор здесь и сейчас. Скажите, кто вам заплатил, и мы поговорим о сотрудничестве. Но если вы продолжите молчать... поверьте, когда мы найдем заказчиков сами, ваша роль в этой истории будет выглядеть куда хуже, чем вы думаете.

Фрэнки отвернулся к стене. Его пальцы сжались в белые кулаки. — Я хочу адвоката, — повторил он, но в этот раз в его голосе не было уверенности. Только глухой, липкий страх.

Лорелин медленно закрыла папку. — Хорошо. Мы дадим вам время подумать. Но помните: тишина — это тоже ответ. И нам он уже многое рассказал.

Она встала, кивнув Кевину. Они вышли из комнаты, оставив Фрэнки наедине с гулом лампы и собственными демонами. В коридоре Лорелин потеряла переносицу.

— Он напуган, — тихо сказала она. — Но не нами. Он боится кого-то другого.

— Значит, мы давим в правильном направлении, — ответил Кевин, и в его голосе впервые прозвучало настоящее, неподдельное уважение к её работе. — Проверим его связи. И найдём того, кто стоит за этой «случайной» дыркой на майке.

Фрэнки замер. Его взгляд метнулся к тонированному стеклу зеркала, затем к двери, оценивая расстояние. Он искал выход, но в этой комнате его не было.

Кевин не шелохнулся у стены. Он знал: сейчас главное оружие Лорелин — не папка с делом, а умение создавать вакуум. Она не давила. Она просто ждала, позволяя тишине раздувать его панику до предела.

— Я был в баре на Бродвее, — наконец выдавил Фрэнки. Голос его звучал хрипло, словно он сам не верил своим словам. — «Winter Forest». Пил. Это можно проверить. Официантка меня видела.

— Мы это проверим, — Лорелин не моргнула. — Но давай вернемся к сегодняшнему дню. Зачем ты оказался у дома Дайсонов? И почему, вместо того чтобы просто уйти, ты набросился на Эмили?

Фрэнки отвел взгляд, его пальцы нервно забарабанили по

стальному краю стола. — Я... я бываю там. Время от времени. Встречаю кое-кого.

— Ради секса? — Лорелин бросила этот вопрос без тени осуждения, просто как факт. Сухой и режущий, как скальпель.

Фрэнки сглотнул. Кадык судорожно дернулся. — Да.

— И что произошло сегодня? Ты ждал её. Но она не вышла.

— Она обещала! — вдруг вырвалось у него, и в этом крике прозвучала детская, жалкая обида. Он тут же осекся, понимая, что сказал лишнее.

Лорелин медленно достала из папки фотографию синего лоскута ткани в пакете для улик. Положила его на стол, прямо перед его глазами. — Мы нашли это на перилах балкона на восьмом этаже. Там, где кого-то жестоко избивали, прежде чем сбросить вниз. Ткань синяя. Как твоя майка.

Фрэнки уставился на пакетик. Его лицо покрылось испариной. — Я не был в квартире, — прошептал он, и в его глазах вспыхнула чистая, животная паника. — Клянусь. Я ждал её на улице. Она должна была выйти через черный ход... Но она не пришла.

— И ты пошел наверх? — голос Лорелин стал тише, но от этого еще опаснее.

— Нет! — он мотнул головой. — Я ждал внизу. Потом... потом она вышла. Но не одна. Или... я не знаю, я запаниковал. Я просто хотел поговорить. А она начала кричать, звать

на помощь. Я схватил её, чтобы она заткнулась, чтобы выслушала меня! Я не хотел её убивать! Я просто... я просто не хотел, чтобы она меня игнорировала!

Он рухнул вперед, уткнувшись лбом в холодную поверхность стола, его плечи затряслись.

Лорелин и Кевин обменялись быстрым, тяжелым взглядом. Пазл щелкнул, но картинка получилась куда более уродливой, чем они ожидали.

— Кто она, Фрэнки? — тихо спросила Лорелин.

Он поднял голову. В его глазах больше не было бравады. Только пустота и страх. — Эмили, — прохрипел он. — Эмили Дайсон.

Имя повисло в воздухе, меняя гравитацию во всей комнате.

Лорелин медленно закрыла папку. Щелчок застежки прозвучал как выстрел. — На этом мы пока закончим, — сказала она, поднимаясь. — Тебе принесут воду. Подумай о своих словах. Потому что в следующий раз мы будем говорить не о ссоре любовников, а о соучастии в убийстве.

Они вышли, оставив Фрэнки одного в гулкой тишине комнаты для допросов. Дверь захлопнулась с тяжелым, окончательным звуком.

В коридоре, направляясь к своему кабинету, Лорелин выдохнула, проводя рукой по вискам. Адреналин начинал отступать, оставляя после себя холодную ясность.

— Ты веришь ему? — тихо спросила она, не глядя на на-

парника.

Кевин шел рядом, засунув руки в карманы пиджака. — Частично. Его реакция на фотографию ткани была настоящей. Он действительно думал, что это его конец. История про роман объясняет нападение на улице. Но она не объясняет труп её мужа в переулке.

— А если объясняет? — Лорелин остановилась у двери кабинета и повернулась к нему. — Что, если Линн Дайсон узнал об этой связи? Что, если он устроил ему ловушку? Или Фрэнки пришел не просто «поговорить», а разобраться с соперником, но что-то пошло не так, и он решил инсценировать падение?

Кевин кивнул, его лицо стало жестким и сосредоточенным. — Ревность. Шантаж. Или она использовала Фрэнки, чтобы избавиться от мужа, а потом решила, что он слишком опасен, и попыталась его устранить, чтобы он не заговорил. Вариантов масса. Но это всё домыслы, пока у нас нет твердых фактов.

Они вошли в кабинет. Лорелин сразу направилась к магнитной доске. Её пальцы коснулись фотографии Эмили Дайсон. Та самая напряженная, идеальная улыбка теперь казалась зловещей маской. Лорелин взяла красный маркер и провела жирную линию от фото Эмили к распечатанному портрету Фрэнки Кирка.

— Нам нужно поговорить с ней ещё раз, — сказала Лорелин. — Но теперь с другой позиции. Мы больше не утеша-

ем вдову. Мы давим на неё фактом её измены. Посмотрим, треснет ли её броня, когда мы спросим, знал ли муж о её «ночных встречах» и где она была в момент убийства.

Кевин уже сидел за своим столом, экран монитора осветил его лицо холодным синим светом. Он быстро стучал по клавиатуре. — Я прямо сейчас запрашиваю записи с камер вокруг «Winter Forest» и перекрестков по пути к дому Дайсонов. Проверим его алиби. Если он врал про бар, мы это узнаем через десять минут.

— А я звоню Бекки, — Лорелин достала телефон. — Экспертиза ткани должна стать приоритетом номер один. Если на этом клочке найдут ДНК Эмили Дайсон, у нас будет неопровержимое доказательство того, что она была на балконе. Или что Фрэнки был там, несмотря на свои показания.

Кевин оторвался от экрана и посмотрел на неё. В его взгляде впервые за этот длинный день появилось нечто, похожее на азарт. — Ты думаешь, он причастен к смерти Линна?

— Не знаю, — честно ответила Лорелин, набирая номер. — Но он явно что-то недоговаривает. Он слишком напуган не только арестом, но и кем-то ещё. Возможно, он видел убийцу. Или знает, кто это был.

— Тогда мы выжмем из него всё, — Кевин взял трубку стационарного телефона, чтобы связаться с патрульными. — Составляй список вопросов для Эмили. Я организую её доставку в участок завтра утром. Под предлогом «уточнения

деталей».

Лорелин кивнула, открывая новый лист в блокноте. — Да. Но расслабляться рано. Мы только нащупали нить. Теперь нужно понять, не выдернет ли она за собой весь клубок прямо нам в руки.

В кабинете снова зазвучали деловые переговоры, застучали клавиши. За окном Нью-Йорк жил своей ночной жизнью, но для детективов девятого участка игра только начиналась. И на этот раз правила диктовали они.

Воздух на улице был холодным и колючим, резко контрастируя с затхлой атмосферой участка, пропитанной дешевым кофе и усталостью. Лорелин сделала глубокий вдох, чувствуя, как напряжение этого бесконечного дня медленно, неохотно отпускает её плечи.

Над городом висела луна, превращая лужи на асфальте в тусклые зеркала. Редкие машины проносились мимо, их гул тут же поглощался ночной тишиной.

Кевин вышел следом, застегивая пиджак. Он остановился на ступеньках, на мгновение задержал взгляд на её фигуре и кивнул в сторону парковки. — Я тебя подвезу.

Лорелин покачала головой, инстинктивно включая режим «стойкой новички»: — Кевин, я в порядке. У меня с собой табельное оружие, и я вполне способна добраться до дома сама.

— Я не сомневаюсь в твоих боевых навыках, — он усмехнулся, но в его глазах читалась усталая проницательность.

— Но давай будем честны: это твой *первый* день. Обычно в первый день детективы сортируют архивные папки и учатся не обжигаться об местный кофейный автомат. А ты сегодня нашла изуродованное тело, устроила погоню через полгорода и вела допрос подозреваемого.

Он сделал шаг ближе, понизив голос: — Твой организм только что пережил адреналиновый крах. Ты сейчас не «в порядке», Лорелин. Ты просто пока этого не чувствуешь, потому что держишься на последних силах. Садись в машину. Это не предложение, это забота о напарнике, который завтра должен быть в строю.

Лорелин хотела возразить, но в этот момент её действительно накрыла внезапная, тяжелая волна усталости. Ноги вдруг стали ватными, а в висках застучала тупая пульсация. Она поняла, что он абсолютно прав: её тело требовало отдыха, а гордость мешала это признать.

Она выдохнула, позволяя плечам наконец опуститься, и едва заметно улыбнулась: — Ладно. Ты прав. Спасибо.

Кевин коротко кивнул, и в его взгляде мелькнуло одобрение. Они направились к парковке. Черная Chevrolet Camaro стояла у обочины, в лунном свете напоминая затаившегося хищника. Кевин галантно, но без лишнего пафоса открыл перед ней пассажирскую дверь.

Внутри пахло кожей, дорогим деревом и едва уловимым шлейфом кедрового одеколona. Приборная панель мягко светилась, создавая в салоне атмосферу интимного, защи-

ценного кокона. Кевин завел двигатель. Мотор отозвался низким, утробным рыком, и машина плавно влилась в редкий ночной поток.

Город за окном изменился. Неоновые вывески казались ярче, тени — глубже. Лорелин откинула голову на подголовник и закрыла глаза. Впервые за этот день она позволила себе расслабиться.

Машина выехала на Бруклинский мост. Стальные тросы, подсвеченные фонарями, вздымались в темноту, как струны гигантской арфы. Внизу черной лентой текла Ист-Ривер, поглощая звуки города.

— Боже — тихо выдохнула Лорелин, глядя в окно. — Сколько раз здесь ездила, а всё равно захватывает дух.

— Ночью он другой, — спокойно ответил Кевин, не отрывая взгляда от дороги. — Будто портал. Пересекаешь его, и суета остается на том берегу.

— Именно, — согласилась она. — Ощущение, будто ты одна во всем мире.

Она прижалась лбом к прохладному стеклу. В салоне воцарилась комфортная тишина. Лорелин искоса взглянула на Кевина. В полумраке его профиль казался еще более резким, а рука, лежащая на руле, — уверенной и сильной. Внутри нее шевельнулось странное, теплое чувство защищенности, которое она давно разучилась испытывать.

«Только работа, — мысленно одернула она себя. — Никаких осложнений. Фрэнки, Эмили, труп в переулке. Фокус

на деле».

Но, отвернувшись к окну, она поймала себя на едва заметной улыбке.

Кевин, казалось, почувствовал её взгляд. Он коротко взглянул в её сторону. — Всё в порядке? — Да, — ответила она, выравнивая голос. — Просто задумалась.

Он кивнул и снова сосредоточился на дороге. Но его мысли были далеки от маршрута. Он вспомнил, как обычно заканчивались такие ночи в его прошлом.

Лана. Черное платье, легкий смех у барной стойки, такси до его холостяцкой квартиры на Вест-Сайде. Знакомый сценарий: пара часов страсти, чтобы заглушить одиночество, и пустота на следующее утро, когда она собирала вещи, бросая на прощание дежурное: «Это было незабываемо». Никаких обязательств. Никаких вопросов.

Но сейчас, глядя на профиль Лорелин, он понял, что не хочет, чтобы эта ночь закончилась так же. Ему не нужна была транзакция тепла. Ему хотелось узнать, о чем она думает. Почему она так напряглась, когда он предложил её подвезти. Это чувство пугало его больше, чем любая перестрелка.

Машина свернула с шумного проспекта в тихий, респектабельный район с пре-военной застройкой. Кирпичные фасады, кованые балконы, мягкий свет фонарей у массивных дубовых дверей.

Самого плавно остановилась у тротуара.

— Приехали, — сказал Кевин, глуша двигатель.

Лорелин повернулась к нему, и на этот раз её улыбка была искренней. — Спасибо, что подвёз.

— Без проблем. — Он обернулся, скользнув взглядом по фасаду здания. — Должен признать, я не ожидал. Элитный район, консьерж, лепнина... Твоя квартира явно не вписывается в бюджет новенького детектива.

Это прозвучало как легкая шутка, но Лорелин восприняла это как удар. Её спина мгновенно выпрямилась, улыбка исчезла, сменившись холодной, защитной маской.

— Я получила её в наследство от бабушки Маргарет, — отрезала она, и в её голосе прозвучала сталь.

И в ту же секунду реальность дрогнула. Слово «наследство» имело вкус меди. На долю секунды она была не здесь, в теплой машине. Ей снова было пять. Запах лаванды, смешанный с запахом крови. Скрип дверцы шкафа. Тяжелые, чужие шаги по паркету гостиной. И тишина, которая наступила после.

Она резко моргнула, выталкивая видение. Сердце колотилось где-то в горле. Чтобы скрыть дрожь в голосе, она перешла в контратаку, её тон стал язвительным: — Но, кстати, твоя «Камаро» тоже не совсем соответствует зарплате детектива, не находишь? Подарок папочки?

Кевин не дрогнул. Он лишь чуть прищурился, оценивая её внезапную ершистость. Он понял, что попал в нерв, но не стал давить. — Семейный, — спокойно ответил он. — Как и многое другое в этом мире.

Между ними повисла тишина. На этот раз она была не комфортной, а напряженной, обнажающей границы, которые они оба старались не пересекать.

Лорелин бросила взгляд на электронные часы на панели. 23:48. — Уже поздно. Мне пора.

Она потянулась к ручке двери, но замерла на секунду. Кевин тоже не шевелился, ожидая. Хотела ли она что-то сказать? Извиниться за резкость?

Но Лорелин лишь слегка качнула головой, отгоняя лишние мысли, и вышла на тротуар. Холодный ночной воздух сразу обвил её.

Она захлопнула дверь и направилась к подъезду. У самых ступеней она обернулась. Кевин всё ещё сидел в машине, наблюдая за ней через лобовое стекло. В этом последнем, затянувшимся взгляде не было ни упрека, ни флирта. Было лишь молчаливое, тяжелое понимание: они оба несут свои шрамы, и впереди их ждет опасная игра, в которой доверять можно только друг другу.

Лорелин кивнула ему на прощание, повернулась и исчезла за массивной дверью подъезда. Кевин вздохнул, включил передачу и медленно тронулся с места, оставляя её в безопасности, которую он поклялся защитить.

Тем временем машина тронулась, оставляя позади элегантный дом и девушку, которая всё меньше походила на простую напарницу. Кевин знал: завтрашний день принесёт не только новые улики по делу Дайсона, но и неизбежный

разговор, к которому он пока не был готов.

Но сейчас ему нужно было выдохнуть. Мысли о Лорелин, о её дрогнувшем голосе и скрытой боли не давали ему покоя. Ему требовался шум, чтобы заглушить тишину в собственной голове.

Он свернул к району Вильямсбург и остановил «Камаро» у обочины напротив клуба *House of Yes*. Фасад здания напоминал декорацию к киберпанк-триллеру: изогнутые неоновые линии переплетались с зеркальными панелями, создавая иллюзию бесконечного лабиринта. Воздух вибрировал от глухих басов, просачивающихся сквозь стены, смешиваясь с запахом озона, дешевого табака и ночного города.

Кевин кивнул вышибале на входе — свои своих узнают быстро — и шагнул внутрь.

Удар звуковой волны был физически ощутимым. Клуб напоминал улей: потолок, усыпанный сотнями диодов, имитировал пульсирующее звёздное небо, а гигантские зеркальные шары разбрасывали по вспотевшим телам радужные зайчики. Кевин протиснулся через плотную массу танцующих, ловко лавируя между ними, и добрался до барной стойки.

Столешница переливалась, как жидкий металл, подсвеченная холодным синим светом. За ней работала Лиа. Её короткая стрижка, выкрашенная в неоноворозовый, и татуировки, покрывающие руки от запястий до плеч, делали её похожей на ходячий арт-объект. Но Кевин ценил её за другое: она умела молчать и не задавать лишних вопросов.

— Долгожданный гость, — Лиа наклонилась ближе, её голос едва пробивался сквозь грохот музыки. — Выглядишь так, будто тебе нужно смыть с себя рабочий день.

— Что-то вроде того, — Кевин устало усмехнулся, устрояясь на высоком стуле. — Налей мне что-нибудь крепкое. То, что сама бы выбрала, чтобы забыть всё на пару часов.

— Экспериментальный «Звёздный взрыв», — она ловко смешала жидкости в бокале причудливой формы, добавила лед с голубыми вкраплениями и подвинула напиток к нему. — Первый дегустатор. Если не понравится, следующий за мой счёт.

Кевин сделал глоток. Вкус был резким, пряным, с холодным послевкусием. Идеально. — Неплохо.

— Так что, детектив, — Лиа протирала стойку, не сводя с него цепкого взгляда, — работа или всё-таки личная драма?

— Пока не решил, — он обвел взглядом зал. Люди здесь не танцевали, они конвульсировали в такт музыке, пытаясь вытрясти из себя реальность. — Сегодня просто отдыхаю.

— Привет, — раздался низкий, бархатистый голос прямо у его уха.

Кевин обернулся. Рядом, словно материализовавшись из полумрака, стояла девушка. Её платье из тёмного, мерцающего шёлка облегло фигуру с вызывающей откровенностью. Длинные волосы цвета тёмного шоколада контрастировали с бледной кожей и яркой, почти агрессивной помадой. В её позе не было ни капли неуверенности — только

хищная грация.

— Я заметила, что ты здесь не просто так, — она скользнула на соседний стул, её колено случайно, или намеренно, коснулось его бедра. — Я Кейла. Составлю компанию?

Кевин оценивающе посмотрел на неё. Он видел этот типаж сотни раз: красивые, опасные, ищущие приключений на одну ночь. Раньше это было бы именно тем, что ему нужно. — Присаживайся, — кивнул он, делая ещё глоток.

— «Тёмная галактика», — бросила Кейла Лиа, не отрывая взгляда от Кевина. — И да, я знаю, что это ваш секретный коктейль. Проверим, правда ли он так хорош.

Лиа хмыкнула, но принялась за работу. — И как тебя зовут, любительница секретных меню? — спросил Кевин.

— Кейла. А ты, похоже, человек, который пытается спрятаться от чего-то важного, прячась в клубах и случайных знакомствах.

Кевин замер. Бокал на мгновение застыл в его руке. Она попала в точку с пугающей точностью. — Возможно, — ответил он, возвращая себе маску непроницаемости. — Но сегодня я здесь без загадок. Никаких дел.

— Договорились, — Кейла подняла свой бокал, её губы тронула дерзкая усмешка. — Только музыка и ночь, которая ещё не решила, чем закончится.

Она отпила, и её взгляд стал тяжелее, обещательнее. Через несколько минут она встала, потянулась, демонстрируя каждую линию своего тела, и бросила через плечо: — Тан-

цуешь или только наблюдаешь?

Кевин знал, что должен сказать «нет». Но образ Лорелин, её усталые глаза и дрогнувший голос всё ещё жгли его изнутри. Ему нужно было отключить мозг. И Кейла была идеальным инструментом для этого.

Он последовал за ней на танцпол.

Музыка обрушилась на них плотной, вибрирующей стеной. Кейла танцевала не для него, а для себя, но позволяла ему быть частью этого ритма. Кевин положил руки ей на талию. Её кожа была горячей, пахла дорогим сандалом и джином. Она прижалась к нему, её губы почти коснулись его шеи, когда она прошептала что-то неразборчивое, но смысл был предельно ясен.

Это было легко. Это было знакомо. Это было пусто.

Когда они вышли из клуба, ночной воздух ударил в лицо, как пощечина. Кейла скользнула на пассажирское сиденье его «Камаро». Поездка до его квартиры на Вест-Сайде прошла в напряженном, электрическом молчании, прерываемом лишь её короткими, многозначительными взглядами и случайными прикосновениями к его руке.

В его квартире царил привычный полумрак. Минимализм, кожаный диван, тишина, которая после клуба казалась оглушительной.

Кейла не стала ждать приглашения. Она подошла к нему, её пальцы скользнули по лацканам его пиджака, медленно поднимаясь к шее. Она потянула его вниз, и их губы встре-

тились.

Поцелуй был жадным, требовательным, лишенным нежности. Кевин ответил инстинктивно, его руки обхватили её талию, притягивая ближе. Она тихо застонала, её пальцы запутались в его волосах, тянув его в сторону спальни. Это был тот самый сценарий, который он разыгрывал десятки раз.

Но когда её рука потянулась к пряжке его ремня, что-то щелкнуло.

Вспышка в его сознании была ярче любого стробоскопа в клубе. Не запах сандала, а легкий аромат лаванды. Не агрессивная страсть незнакомки, а тихая, дрожащая уязвимость Лорелин, когда она призналась, что получила квартиру в наследство. Та боль была настоящей. Эта же сцена была всего лишь дешёвой декорацией, попыткой заглушить то, что он на самом деле чувствовал.

Кевин резко отстранился.

Движение было настолько внезапным, что Кейла покачнулась, её руки опустились. В полумраке её глаза сузились, уловив перемену. — Что-то не так, детектив? — её голос потерял бархатистость, в нём звякнуло раздражение.

Кевин провел рукой по лицу, чувствуя внезапную, всепоглощающую усталость. — Прости, Кейла. Я не могу.

Она фыркнула, поправляя лямку платья. Маска соблазнительницы спала, обнажив холодное разочарование. — Серьёзно? Мы уже почти были у финиша. Неужто у тебя вдруг проснулась совесть?

— Что-то вроде того, — тихо ответил он. Он не стал лгать или придумывать оправдания. — Дело не в тебе. Дело во мне. Я не могу быть здесь.

Кейла изучала его лицо пару секунд, словно пытаясь разгадать загадку, но затем лишь пожала плечами, беря свою сумочку. — Твоя потеря, Кевин. Но знаешь, бегать от себя — плохая стратегия. Рано или поздно тебе придется повернуться лицом к тому, от чего ты прячешься.

Она направилась к двери, её каблуки четко отстукивали ритм по паркету. Щелчок замка прозвучал как финальная точка.

Кевин остался стоять посреди гостиной в полной тишине. Он подошел к окну, глядя на огни города. Он был прав. Бегство не сработало. Наоборот, этот пустой эпизод лишь с пугающей ясностью показал ему одну вещь: он больше не хотел случайных связей. Он хотел той самой уязвимости, той самой искры, которую оставил сегодня вечером у подъезда элитного дома.

Он достал телефон. Был уже второй час ночи. Он не стал ей звонить или писать. Он просто положил телефон на стол, зная, что завтра, когда они снова встретятся в участке, всё будет уже по-другому.

Трость и асфальт

Ночь окутала портовые доки Нью-Йорка густым, липким туманом. Мокрый асфальт блестел под тусклым светом редких фонарей, а в воздухе висел тяжелый запах ржавчины, гниющей рыбы и дизельного топлива. Заброшенные ангары, похожие на скелеты гигантских зверей, молчаливо хранили тайны, за которые здесь убивали.

Тишину разорвал низкий гул моторов. К краю причала бесшумно подкатил кортеж из трёх чёрных внедорожников. Металл кузовов тускло поблёскивал, покрытый тонким слоем портовой грязи.

Из головной машины вышел Виктор Вэнс. Он был одет в безупречный тёмный костюм, который казался здесь чужеродным, словно скафандр в преисподней. В руке он сжимал трость с серебряным набалдашником — не столько для опоры, сколько как символ власти. Его лицо было скрыто тенью шляпы, но холодный, оценивающий взгляд пронизывал полумрак.

Сразу за ним, словно тени, материализовались четверо. Марио — гора мышц с татуировками, вылезавшими из-под воротника рубашки, и Джек — щуплый, но цепкий, с глазами человека, который видел слишком много и не моргал при виде крови.

Виктор уверенно направился к облупившейся двери ста-

рого рыбного склада. Ржавые петли пронзительно заскрипели, когда он вошёл внутрь, нарушив вековую тишину.

Внутри царил давящая полутьма. Воздух был спёртым, пропитанным запахом сырости, плесени и застарелой крови, въевшейся в деревянные столы. Спустившись по скрипучей металлической лестнице в подвал, Виктор оказался в бетонном бункере.

Здесь, под тусклой лампой, сидели четыре девушки. На них была лишь тонкая, дешёвая одежда, контрастирующая с холодом бетонных стен. Перед ними на массивном дубовом столе лежали горы ветхих, грязных купюр. Девушки механически пересчитывали их, их пальцы дрожали, а движения были плавными, но напряжёнными, как у загнанных животных. Они не смеялись и не переглядывались. Страх здесь был осязаемым, густым, как этот воздух.

Виктор медленно подошёл к столу. Стук его трости по бетону заставил девушек вздрогнуть и замереть.

— Ну? — его голос прозвучал тихо, но в гулком подвале это было подобно выстрелу. — Что с грузом?

Марио нервно сглотнул, но старался держать спину прямо. — Всё готово к отправке, босс. Но есть... нюансы. Качество партии вызывает вопросы.

— Вопросы? — Виктор шагнул ближе. Его лицо осталось неподвижным, но в глазах вспыхнул опасный огонёк. — Соmnения — это роскошь, Марио. Ошибка стоит жизни. Твоей.

Джек, стоявший в стороне, решил вмешаться: — Босс, де-

ло не только в качестве. Вчера на погрузке нас пытались подрезать. Двое в чёрном фургоне. Мы их отшили, но это значит, что кто-то знает о наших маршрутах.

Виктор медленно повернул голову к Джеку. — И кто, по твоему, стоит за этим?

— Ходят слухи, что это Бенджамин. Он хочет вернуть свои долги, и, похоже, решил начать войну.

Виктор усмехнулся. Усмешка вышла холодной, безрадостной. — Бенджамин. Он всегда был жаден, но глупым его не назовёшь. Если он сунет нос в мои дела, это будет его последняя ошибка в этой жизни.

Он обвёл взглядом девушек, задержавшись на рыжеволосой, которая изо всех сил старалась не смотреть на него. — Как тебя зовут? — спросил он мягко, почти ласково.

— Лили, — прошептала она, не поднимая глаз.

Виктор кивнул Джеку. — Уведи их наверх. Накорми. И чтобы никто к ним не прикасался. Они теперь слишком ценны, чтобы их портили.

Как только девушки и охрана покинули подвал, тон Виктора мгновенно изменился, став жёстким и деловым. — Марио, сколько людей ты можешь поставить на доки к утру?

— Тридцать человек. Но это не элита, босс.

— Мне не нужны элитные бойцы для охраны периметра. Мне нужны те, кто умеет молчать и стрелять без предупреждения. Найди их. И установи слежку за всеми контактами Бенджамина. Каждые два часа я хочу знать, с кем он пьёт

кофе и куда смотрит.

В этот момент в кармане Марио завибрировал телефон. Он взглянул на экран, и его лицо мгновенно покрылось испариной. — Босс... Это наш человек на таможне.

Виктор замер. Рука, сжимавшая трость, побелела. — Говори.

— Груз, который должен был прийти сегодня ночью... Его задержали. Таможня вскрыла контейнеры. Наш человек еле унёс ноги, но он успел предупредить: они нашли нечто, чего там быть не должно.

В подвале повисла мёртвая тишина. Слышно было лишь тиканье старых настенных часов.

— Значит, так, — произнёс Виктор, и в его голосе зазвенела сталь. — Джек, бери пятерых лучших. Едь на таможню. Узнай, кто дал наводку и что именно они нашли. Если груз можно выкупить — плати. Если нет — сожги всё, что может связать эту партию с нами. Без следов.

Джек коротко кивнул и бесшумно исчез на лестнице.

— А ты, Марио, — Виктор повернулся к нему, — найди мне Томаса Райли. Того самого, из таможенного управления. Говорят, он на пенсии, но связи у него старые и крепкие. Мне нужно знать, кто отдал приказ о задержании. Бенджамин или кто-то из наших.

Виктор направился к выходу, но на полпути остановился. — И пусть проверят периметр. Если Бенджамин решил поиграть в кошки-мышки, мы покажем ему, кто здесь хищник.

Он поднялся по лестнице, оставив Марио одного в сыром полумраке. Как только шаги босса затихли, к Марио бесшумно подошёл один из охранников, тот самый, что уводил девушек.

— Босс, — прошептал он, оглядываясь. — Та рыжая... Лили. Пока мы поднимались, она шепнула мне одну вещь.

Марио нахмурился. — И что же?

— Она сказала: «Он знает. Бенджамин уже всё знает. И у него есть доказательства». А потом замолчала, как будто сама испугалась своих слов.

Марио почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это меняло всё. Бенджамин не просто гадал на кофейной гуще — у него были реальные козыри. — Где она сейчас? — На втором этаже, под присмотром.

— Приставь к ней тень, — резко приказал Марио. — Пусть слушает каждое её слово. И соедини меня с Виктором. Немедленно.

Виктор Вэнс стоял у открытой двери внедорожника, вдыхая сырой ночной воздух. Туман сгущался, скрывая очертания портовых кранов. Он методично протирает платком рукоятку трости — старая привычка, дарующая иллюзию контроля над хаосом.

Телефон в кармане завибрировал. Услышав доклад Марио о словах девушки, Виктор на мгновение замер. Пазл начал складываться: задержка груза, попытка подрезать конвой, теперь эта утечка информации. Бенджамин готовил не

просто налёт, а полноценную операцию по зачистке.

— Хорошо, — произнёс Виктор в трубку, его голос был пугающе спокойным. — Лили не трогать. Пока. Она может стать нашим ключом к тому, что именно знает Бенджамин. Найди Райли. И скажи Джеку, чтобы он действовал жёстко. Сегодня никто не спит.

Он сел в машину. Кортёж тронулся с места, разрезая ночную мглу. Город за окном казался вымершим, лишь неоновые вывески отбрасывали кроваво-красные блики на мокрый асфальт.

Виктор откинулся на кожаное сиденье, постукивая пальцами по набалдашнику трости. В его голове уже рождался план. Бенджамин бросил ему вызов. Что ж, ответ будет таким, что этот город содрогнётся.

Впереди, в тишине его укрепленного особняка на холмах, его ждал телефонный разговор с прошлым, которое он так старательно пытался похоронить. Война началась.

Массивные кованые ворота особняка с глухим лязгом сомкнулись за кортежем, отрезая Виктора Вэнса от хаоса портового города. Здесь, на вершине холма, царила стерильная, почти хирургическая тишина. Высокие кипарисы стояли как чёрные стражи, а фасад неоклассического особняка, подсвеченный прожекторами, напоминал неприступную крепость.

Виктор вошёл в просторный холл. Гулкие шаги его туфель по холодному мрамору эхом разносились под высокими сводами. Дворецкий, безупречно одетый мужчина с лицом, вы-

точенным из камня, уже ждал его у подножия широкой лестницы.

— Добро пожаловать домой, сэр, — его голос был тихим и ровным, лишённым даже намёка на любопытство. — Ваш ужин готов, но, судя по вашему виду, вы предпочтёте сначала кабинет.

— Кофе. Чёрный. И оставь меня одного, — бросил Виктор, не останавливаясь и направляясь вглубь дома.

Кабинет Виктора был его святилищем. Панели из тёмного ореха, пуленепробиваемые стёкла, за которыми пряталась ночная тьма, и массивный стол, за которым решались судьбы целых районов. Виктор подошёл к бару, налил себе стакан виски, но не сделал ни глотка. Он поставил стакан на стол и только тогда заметил конверт.

Он лежал на самом видном месте, поверх безупречно сложенных документов. Плотная, серая бумага. Без марки, без обратного адреса. Только небольшая печать сургуча с его личным знаком.

Виктор нахмурился. Он взял конверт, разорвал его резким движением и вытряхнул содержимое на столешницу.

Несколько фотографий бесшумно скользнули по полированному дереву.

Виктор замер.

Первый снимок был зернистым, сделанным с большого расстояния телеобъективом. Знойный переулочек, жёлтая полицейская лента, фигуры в форме. И в центре кадра, чётко

выхваченная из сумрака, — она. Лорелин Хейл. Она выходила из машины, её лицо было сосредоточенным, решительным.

Вторая фотография была сделана позже. Ночь, свет уличных фонарей. Она стоит у подъезда своего дома. Рядом с ней — Кевин Эллингтон. На снимке запечатлён тот самый миг, когда они смотрят друг на друга. В этой короткой, застывшей секунде читалась такая интимность и невысказанность, которая делала наблюдателя невольным вуайеристом.

В кабинете повисла мёртвая тишина.

Виктор не шелохнулся, но тот, кто знал его годами, увидел бы, как изменилась атмосфера вокруг него. Воздух словно сгустился, стал тяжёлым и ледяным.

Его рука, сжимавшая трость, побелела до такой степени, что проступили сухожилия. Кожа на костяшках пальцев натянулась. Челюсть сжалась так сильно, что на виске запульсировала тонкая, опасная жилка.

Он смотрел на её лицо. На эти серо-голубые глаза, на эту линию подбородка. Она была пугающей, точной копией Сьюзен. Словно время сделало петлю и вернуло ему призрак его жертвы, наделённый той же проклятой, знакомой до физической боли решимостью в позе.

Это была не просто досада от того, что детектив оказался слишком близко к его делу. Нет. Это была первобытная, всепоглощающая ярость, вспыхнувшая в его груди, как пожар в сухом лесу. Она ударила под дых, выбивая привычное хлад-

нокровие, заставляя сердце биться с болезненной, рваной частотой. В этом взгляде на фотографии была не просто угроза его бизнесу. В ней была личная, выстраданная ненависть, корни которой уходили так глубоко и так далеко в прошлое, что даже он сам, мастер контроля, боялся к ним прикасаться.

Он медленно, очень медленно протянул руку и коснулся пальцем её изображения на глянцевой бумаге. Прикосновение было почти нежным, но через секунду его пальцы сжались в кулак, сминая фотографию в тугую, шуршащий комок.

Дверь кабинета тихо приоткрылась. Дворецкий вошёл с подносом, на котором стояла чашка кофе. Он остановился, мгновенно считав изменившуюся ауру комнаты. Его глаза скользнули по смятой фотографии на столе, но он тут же опустил взгляд, делая вид, что ничего не заметил.

— Сэр? — тихо произнёс он.

Виктор не сразу ответил. Он медленно разжал кулак, разгладил измятую бумагу и положил её обратно на стол с пугающей, методичной аккуратностью. Когда он наконец поднял глаза, в них не осталось и следа бури. Только абсолютный, смертоносный холод.

— Кто делал эти снимки? — его голос прозвучал тихо, почти шёпотом, но от этого он стал в тысячу раз страшнее.

— Наша группа наружного наблюдения у девятого участка, сэр. Они отслеживали перемещения детектива Эллингтона и случайно зафиксировали его напарницу.

— Случайно, — повторил Виктор. Слово прозвучало как приговор. — Они идиоты. Они смотрят, но не видят.

Он подошёл к окну, глядя на своё отражение в тёмном стекле. За его спиной стоял особняк, полный охранников, но в эту секунду он чувствовал себя так, будто прошлое наконец настигло его, переступив порог его крепости.

— Вызовите ко мне главу службы безопасности, — приказал Виктор, не оборачиваясь. — И подготовьте полное досье на детектива Лорелин Хейл. Всё. От её школьных дневников до последних покупок по кредитной карте.

— Слушаюсь, сэр. А что делать с этими людьми? — дворецкий кивнул на фотографии.

Виктор медленно обернулся. В его руке трость описала в воздухе едва заметную дугу.

— Никто не должен к ней прикасаться, — произнёс он, и каждое слово было отчеканено с ледящей точностью. — Ни один человек из нашей организации не имеет права даже посмотреть в её сторону без моего прямого приказа. Если кто-то из наших попытается её напугать, проследить или, не дай бог, причинить вред... я лично сниму с него кожу. Понятно?

— Абсолютно, сэр, — дворецкий склонил голову, впервые за много лет почувствовав, как по его спине пробежал настоящий холод.

— А теперь оставь меня.

Когда дверь закрылась, Виктор снова остался один в по-

лумраке кабинета. Он подошёл к столу, взял смятую фотографию Лорелин и аккуратно положил её в верхний ящик, под замок.

Он не знал, как она здесь оказалась и почему судьба снова бросила её на его пути. Но он знал одно: игра изменилась. И на этот раз он не допустит ошибки, которую совершил много лет назад.

Страницы тёмного прошлого

Раннее утро встретило Нью-Йорк стеной ливня. Город, обычно громкий и суетливый, казался приглушенным: потоки воды несли по тротуарам мокрый мусор, а небо затянуло тяжелой свинцовой пеленой.

Прошло два дня с момента обнаружения тела. Расследование буксовало. Лорелин была в участке почти первой. Стряхнув капли с куртки у входа, она прошла по полупустому коридору. Её волосы были собраны в хвост, но несколько влажных прядей выбились, обрамляя лицо. На ней была практичная черная футболка, короткая кожаная куртка, уже успевшая потемнеть от влаги, и ботинки, заляпанные у подошвы. Элегантность сегодня уступила место функциональности.

Она села за свой стол, включила компьютер и погрузилась в рутину. Пальцы быстро бегали по клавиатуре: сверка данных, правки в отчетах, анализ ночных записей. В тишине кабинета, нарушаемой лишь монотонным шумом дождя за окном и гудением кулера системного блока, она чувствовала себя уверенно. Здесь, среди бумаг и фактов, всё было под контролем.

Звук открывающихся дверей лифта заставил её оторваться от экрана. Вошел Леам Грей.

Даже в такую погоду он умудрялся выглядеть безупреч-

но: выглаженная рубашка, брюки со стрелками, хотя капли дождя на лакированных туфлях и слегка влажный воротник выдавали его борьбу со стихией. В одной руке он держал папку, в другой — два бумажных стаканчика с кофе.

— Доброе утро, Лорелин, — его голос прозвучал бодро, нарушая утреннюю тишину. — Ты, как всегда, раньше всех. Не испугалась потопа?

Она слегка улыбнулась, принимая протянутый стаканчик: — Доброе, Леам. Спасибо. Дождь — не повод давать преступникам фору.

Грей прислонился к краю её стола, делая глоток кофе. — Уже копаешься в деле Дайсона? Или просто наводишь порядок в хаосе?

— Жду результаты экспертизы по фрагменту ткани, — ответила она, закрывая окно с отчетом. — А ты с утра полон оптимизма?

— Оптимизм — это профессиональная деформация, — усмехнулся он. — Кстати, слышал, вы вчера с Кевином допоздна засиделись. Всё по делу или...?

Лорелин чуть прищурилась, её улыбка стала холоднее: — Только работа, Леам. Исключительно работа.

Грей поднял руки в примирительном жесте: — Понял-понял. Просто спросил.

Он ушел, а Лорелин на секунду замерла. В памяти всплыл вчерашний вечер: его взгляд у её подъезда, тяжесть повисшей между ними паузы. Она резко тряхнула головой, отго-

няя мысли. «Только работа», — напомнила она себе и снова уткнулась в монитор.

Спустя пару часов офис ожил. Коридоры наполнились шагами, звонками телефонов и запахом свежего кофе. Лорелин, закончив с бумагами, направилась в общую кухню, где уже стояли Грей и Рафаэль Варгас.

— Ну что, стремительная Хейл, всё заполнила? — бросил Грей, увидев её.

— Работа не ждет, — парировала она, подходя к кофемашине. — Что у нас с алиби Эмили Дайсон?

Варгас, дождавшись своей порции эспрессо, повернулся к ней. Его лицо было серьезным. — Мы опросили персонал бутика. В момент убийства она формально была на работе. Но есть нюанс: она отлучалась примерно на тридцать минут. Сослалась на резкую мигрень и ушла в служебную комнату отдыха.

Лорелин нахмурилась: — Тридцать минут. Достаточно времени, чтобы доехать до дома, проверить дело и вернуться. Коллеги подтверждают это время?

— Подтверждают, но очень расплывчато, — ответил Грей, и в его голосе зазвенело недоверие. — Никто не смотрел на часы. А самое интересное: мы запросили записи с внутренних камер бутика.

— И?

— Служебный коридор и комната отдыха находятся в мертвой зоне. Камеры их не захватывают, — Варгас сделал

глоток кофе. — Словно кто-то очень удачно спланировал маршрут.

Лорелин почувствовала, как внутри включается холодный, расчетливый механизм. — Удобное совпадение, — тихо произнесла она. — Если она не может подтвердить, где была эти полчаса, её алиби трещит по швам. Мы не можем полагаться только на её слово.

— Мне кажется, персонал что-то недоговаривает, — добавил Грей, понизив голос. — Они выглядят напуганными. Будто их предупредили, что говорить.

— Тогда мы поговорим с ними по отдельности, — решительно сказала Лорелин. — Без присутствия начальства. Создадим давление, посмотрим, у кого начнут бегать глаза. И пусть криминалисты проверят журналы посещений и перемещений в здании за тот день. Если она выходила через черный ход или парковку, мы найдем следы.

Грей усмехнулся, в его глазах блеснул профессиональный азарт: — С тобой не соскучишься, Хейл. Начинаем допросы в два часа.

Лорелин кивнула и вернулась к своему столу. На часах было уже почти полдень. Офис гудел, как растревоженный улей, но её внимание приковывало пустующее кресло напротив.

Место Эллингтона было безупречно чистым, словно он здесь вообще не работал. Внутри шевельнулось неприятное, колючее чувство. Смесь профессионального раздражения и

личного разочарования.

— А где, кстати, детектив Эллингтон? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Грей и Варгас переглянулись. На их лицах появились усталые, снисходительные улыбки. — О, это классика, — хмыкнул Варгас. — Наверное, опять где-то в клубах отсыпается после вчерашнего. Не переживай, к обеду появится. Веселый и довольный.

Лорелин сжала челюсти. *«Клубы? В разгар расследования?»*

Она вспомнила вчерашний вечер: его обещание разобраться, тяжесть его взгляда, когда он прощался с ней. Ей показалось, что между ними возникло нечто настоящее, хрупкое доверие. А теперь выясняется, что он, возможно, просто провел ночь за барной стойкой, забыв о деле, о жертве, о ней.

— Да ты не кипятись, — мягко заметил Грей, видя её реакцию. — Кевин любит погулять, это правда. Но когда он берется за дело, он выкладывается на двести процентов. Просто... у него свой ритм.

— Свой ритм, — повторила она с едва скрытой горечью. — Который не всегда совпадает с нашими.

— Гении редко бывают удобными, — философски заметил Варгас. — Дай ему пару часов. Если к трем не появится, я сам позвоню и устрою ему разнос. Идет?

— Договорились, — отрезала Лорелин, поворачиваясь к монитору.

Она заставила себя сосредоточиться на файлах, но краем глаза продолжала следить за входом. Дождь за окном начал стихать, и в серой пелене туч пробился робкий луч солнца. Но внутри у неё всё еще царила непогода. Пальцы Лорелин быстро бегали по клавиатуре. На основном мониторе открылся официальный отчет по делу Дайсона. Но на втором, скрытом от случайных взглядов экране, тихонько мерцало зашифрованное окно. Там, среди сканов старых газетных вырезок и финансовых схем, уже пятнадцать лет висела одна и та же, слегка размытая фотография мужчины в дорогом пальто. Она свернула это окно одним нажатием клавиши, как только услышала шаги Кевина.

Шаги по коридору были тяжелыми, но размеренными. В проеме появился Кевин Эллингтон.

Он выглядел не как человек, который весело провел ночь в клубе. Его пиджак был слегка помят, галстук ослаблен и сдвинут в сторону. Под глазами залегли темные тени, а взгляд, обычно острый и насмешливый, сейчас был тяжелым, сосредоточенным и усталым. В руке он сжимал стаканчик с кофе, который, судя по всему, был уже не первым за утро.

Он прошел мимо столов, не обращая внимания на шуточные приветствия коллег, и направился прямо к своему рабочему месту.

Лорелин наблюдала за ним, и её раздражение начало медленно, неохотно уступать место чему-то другому. В его дви-

жениях не было той расслабленной бравады гуляки. В них читалось напряжение человека, который не спал всю ночь. Но не из-за вечеринки.

Кевин бросил папку на стол, провел рукой по лицу и, наконец, поднял взгляд, встретившись с ней глазами. В этом взгляде не было ни веселья, ни безразличия. Там была та же тяжесть, что и вчера вечером у её подъезда.

— Доброе утро, напарница, — хрипло произнес он. — Надеюсь, ты не начала расследование без меня.

Лорелин, перебирая документы за своим столом, не подняла глаз, но уголок её губ дрогнул в легкой усмешке:

— Славный детектив наконец-то соизволил выбраться из утреннего тумана. Я уже собиралась печатать ориентировки: «Пропал мужчина, последний раз видели в баре, особые приметы — хроническое опоздание».

Грей и Варгас хмыкнули, но их веселье испарилось в ту же секунду, когда Эллингтон подошел ближе.

Он выглядел не как человек, весело проводящий время. Его неизменная экипировка — потертая черная кожаная куртка поверх безупречно белой, словно первый снег, футболки — сегодня служила ему не стилем, а броней. Куртка была застегнута наглухо, а под глазами залегли глубокие тени. Его взгляд, острый и холодный, прошелся по комнате, мгновенно считывая обстановку.

Он остановился, встретившись глазами с Лорелин. Она не дрогнула, выдерживая его тяжелый взгляд, хотя в её глазах

всё ещё плясали чертенята.

— Доброе утро, детектив, — произнесла она с притворной серьезностью. — Мы тут как раз обсуждали ваше отсутствие. Очень волновались.

— Ориентировки оставь для настоящих преступников, Хейл, — сухо ответил он, но без злости. Уголок его рта едва заметно дернулся. — Хотя идея неплохая. Может, хоть кто-то откликнулся бы.

Грей и Варгас переглянулись, не зная, смеяться или сохранять каменные лица.

— Мы уже собирались к миссис Дайсон, сэр, — быстро сказал Грей.

Эллингтон кивнул, прошел к своему столу, бросил на него ключи и сделал глоток остывшего кофе.

— Отлично. Тогда вперёд. И чтобы я больше не слышал подобных шуточек. У нас дело, и времени на глупости нет. Хотя, — он на мгновение задержал на ней взгляд, — чувство юмора ещё никому не мешало. Главное — вовремя его отключать.

Коллеги поспешили к выходу, стараясь не шуметь. Лорелин проводила их взглядом, её улыбка стала чуть мягче. Он был резок, но справедлив. И, что важнее, он был здесь.

В кабинете повисла короткая, звенящая тишина. И тут же её разорвал резкий звонок телефона на столе Эллингтона. Загорелась кнопка: «Судмедэкспертиза».

Кевин тут же поднял трубку:

— Эллингтон.

— Кевин, это Бекки, — раздался в трубке её ровный, слегка хрипловатый голос. — Спускайтесь ко мне. Сейчас же. По делу Дайсона есть кое-что, что вам нужно увидеть лично.

Эллингтон выпрямился. Пальцы невольно сжались на краю стола.

— Что именно?

— Лучше покажу. Это не из тех вещей, что стоит описывать по телефону.

— Понял. Будем через две минуты.

Он положил трубку и начал натягивать кожаную куртку. Лорелин уже стояла, захлопнув папку.

— Что-то серьезное? — спросила она, заметив, как напряглась его челюсть.

— Бекки не дергает нас по пустякам, — ответил он, направляясь к двери. — Если она говорит «лично», значит, пазл только что перевернулся. Идем.

Они вышли в коридор. За окном наконец-то распогодилось: тучи расступились, и косые лучи солнца чертили на стенах яркие, пыльные полосы. Но внутри здания царил аиная атмосфера.

Двери лифта открылись на цокольном этаже. Они шагнули в стерильный коридор морга. Здесь воздух был другим: густым, холодным, пахнущим хлоркой, формалином и едва уловимым, сладковатым металлическим оттенком, который навсегда въедался в одежду. Яркий, безжалостный свет лю-

минесцентных ламп отражался от гладких панелей стен и кафельного пола, не оставляя места для теней.

У тяжелого стального стола в центре зала стояла Бекки Росс. Её белый халат был безупречно чист, волосы собраны в тугой пучок, а на руках трещали латексные перчатки.

Заметив их, она выпрямилась и сняла защитные очки.

— Наконец-то. Подойдите сюда. То, что я вам сейчас покажу, полностью меняет вашу теорию о «несчастном случае» или «самоубийстве».

Эллингтон и Лорелин подошли к столу. Под белой простыней угадывались очертания мужского тела.

— Травма затылочной части, — начала Бекки, указывая на зияющую рану, — была получена до падения. Края рваные, но в тканях нет частиц асфальта, пыли или грязи с земли. Его ударили чем-то тяжелым и плоским, пока он еще находился на балконе. А потом уже сбросили.

Лорелин и Кевин переглянулись. Это было первое неопровержимое доказательство их вчерашней гипотезы.

— И это не всё, — Бекки осторожно отогнула простыню, обнажая торс покойного. — Посмотрите на грудь и живот.

Лорелин затаила дыхание. На бледной коже отчетливо виднелись массивные, темные гематомы. Они были расположены симметрично, с четкими очертаниями.

— Следы от двух разных рук, разная ширина захвата, — тихо прошептала Лорелин. — Кто-то держал его. С невероятной силой.

— Именно, — кивнула Бекки. — Это не случайные ушибы от падения. Это следы удержания. Кто-то прижимал его к полу или к перилам, пока наносил удары. А теперь посмотрите сюда.

Она сместила свет лампы на шею и предплечья жертвы. Там виднелись глубокие, параллельные царапины.

— Активное сопротивление. Он царапал нападавшего. Я уже отправила соскобы из-под его ногтей на ДНК-анализ. Если убийца не был в перчатках, мы его поймем.

Кевин нахмурился, его лицо стало жестким, как камень.

— Значит, это была не спонтанная драка, — проговорил он низким голосом. — Его держали, били, а потом сбросили. Это холоднокровная казнь. Или допрос.

— Есть еще одна деталь, — Бекки сместила простыню ниже, к ногам. Чуть выше правого колена на коже виднелась глубокая, воспаленная борозда, окруженная массивным синяком. — Это след от жгута или грубой веревки. Его связывали. Или тащили.

В морге повисла тяжелая, звенящая тишина. Слышно было лишь монотонное гудение холодильных установок в дальнем углу.

Лорелин смотрела на изуродованное тело Линна Дайсона. Идеальный муж, успешный бизнесмен. А теперь — объект жестокой, методичной расправы.

— Это не просто убийство, — тихо сказала она, и в её голосе зазвенела сталь. — Это послание. Кто-то хотел, чтобы

он мучился. И хотел, чтобы мы это видели.

Кевин медленно выдохнул, его челюсть сжалась. Он ненавидел такие дела. Бессмысленная, демонстративная жестокость всегда вызывала у него холодную, сосредоточенную ярость.

— Бекки, когда будут результаты по ногтям и ткани? — резко спросил он.

— Лаборатория работает в приоритетном режиме. Я отправлю в лабораторию с пометкой «срочно». Результаты будут завтра к полудню, — ответила она, снимая перчатки.

— Отлично. Хейл, пошли, — бросил Кевин, не сводя тяжелого взгляда с тела. — Нам нужно поговорить с вдовой. И на этот раз мы не будем играть в сочувствие.

Они вышли из морга, оставляя за спиной холодный свет и безмолвие. Впереди их ждала самая грязная часть расследования: вскрыть ложь человека, который, возможно, знал об этой пытке больше, чем признавался.

Эмили Дайсон сидела на жёстком стуле. На ней был тот же элегантный кремовый костюм, что и вчера, но теперь он казался неуместным в этом казённом помещении. Она держала спину прямо, сцепив пальцы на столе. Маска идеальной, убитой горем вдовы была тщательно подогнана, но Лорелин, сидящая напротив, уже видела трещины: слишком частое моргание, едва заметная дрожь в больших пальцах, сухие, плотно сжатые губы.

Кевин стоял у двери, скрестив руки на груди. Его белая

майка и кожаная куртка создавали резкий контраст с её безупречным образом. Он молчал, но его присутствие заполняло комнату, как физический вес.

— Спасибо, что пришли, миссис Дайсон, — начала Лорелин. Её голос был ровным, лишенным вчерашней сочувственной мягкости. Сегодня она была не утешителем, а хирургом.

— Я же сказала, что готова помочь, — ответила Эмили. Её голос звучал ровно, но в нём не хватало той дрожи, что была вчера. — Вы нашли того, кто это сделал?

— Мы делаем успехи, — Лорелин открыла папку, лежащую перед ней. — Но для этого нам нужна полная прозрачность. Вчера вы сказали, что в момент убийства были на работе.

— Да. Я уже давала показания.

— Вы были на работе. Но с 02:00 до 02:30 вас не было на месте. Вы сослались на мигрень.

Эмили чуть прищурилась: — И что? Я имею право отлучиться.

— Имеете, — согласилась Лорелин. — Но камеры в вашем бутике не покрывают служебный выход. А это значит, что мы не можем подтвердить, где именно вы были эти полчаса.

— Я была в аптеке через дорогу, — быстро ответила Эмили, но её взгляд на долю секунды метнулся к Кевину. Микровыражение. Страх.

Лорелин проигнорировала это и достала из папки фотографию. Не труп. Фотографию Фрэнки Кирка. Она положила её на стол и медленно повернула к Эмили.

— Знакомое лицо?

Эмили замерла. Её зрачки расширились. Она не отшатнулась, не вскрикнула, но её пальцы на столе побелели от напряжения. — Нет, — произнесла она. Слишком быстро. Слишком резко.

— Странно, — Лорелин наклонилась вперёд. — Потому что этот человек, Фрэнки Кирк, утверждает, что у вас с ним были отношения. И что вчера ночью, около двух часов, он ждал вас у чёрного входа вашего дома.

— Это ложь! — Эмили повысила голос, и маска треснула. — Я никогда его не видела! Это какой-то маньяк, он преследует меня! Вы же видели, как он на меня набросился!

— Мы видели, как он на вас напал, — в разговор впервые вмешался Кевин. Его голос прозвучал низко, как удар хлыста. Он сделал шаг из тени к столу. — Но мы также проверили его телефон. И знаете что? В ночь убийства он отправил вам три сообщения. «Я здесь». «Где ты?». И последнее, в 2:15: «Я вижу свет на балконе».

В комнате повисла звенящая тишина. Эмили перестала дышать. Она смотрела то на Лорелин, то на Кевина, ища спасительную лазейку, но стены комнаты были непроницаемы.

— А теперь самое интересное, — продолжила Лорелин, доставая другой документ. — Предварительный отчёт суд-

медэксперта. Ваш муж не просто упал, Эмили. Его держали. На его груди и животе обнаружены следы от пальцев, оставленные с огромной силой. На шее — глубокие царапины. Он сопротивлялся. Его били, пока он был на балконе, а потом сбросили вниз.

Лорелин выдержала паузу, позволяя ужасу этой картины осесть в сознании женщины. — И под его ногтями, Эмили, есть биологический материал. Мы отправляем его на ДНК-анализ прямо сейчас. Если там окажется ваша ДНК, или если мы найдём его кровь на вашей одежде... игра закончена. Вы будете обвинены в соучастии или в убийстве первой степени.

Эмили закрыла глаза. Её плечи, до этого напряжённые, как струна, вдруг обмякли. Когда она открыла глаза, в них больше не было ни горя, ни страха. Только холодная, расчётливая усталость. Маска вдовы упала.

— Вы не найдёте там моей ДНК, — тихо сказала она.

— Почему вы так уверены? — спросил Кевин.

— Потому что я не убивала его, — Эмили выпрямилась, и её голос стал другим: жёстким, циничным. — Но я была там. В ту ночь.

Лорелин и Кевин переглянулись. Это был прорыв.

— Рассказывайте, — потребовала Лорелин.

— Я не была в аптеке, — начала Эмили, глядя в стол. — Я поехала домой. Мне нужно было забрать документы из его кабинета. Я знала, что он ведёт какие-то тёмные дела с этим бутиком. Отмывание денег, угрозы... Я хотела найти дока-

зательства, чтобы подать на развод и забрать свою долю, не оставляя ему ничего.

— И что вы нашли? — спросил Кевин.

— Я поднялась на восьмой этаж. Дверь в квартиру была приоткрыта, — её голос дрогнул, но она взяла себя в руки. — Я услышала голоса. Грубый, мужской голос и... и звук удара. Я заглянула в щель. Я увидела, как двое мужчин держат Линна. Один из них был крупным, в тёмной куртке. Они прижали его к перилам.

— Вы видели их лица? — резко спросила Лорелин.

— Нет. Они стояли ко мне спиной. Но я увидела, как один из них замахнулся. Линн закричал. Я... я испугалась. Я поняла, что если они меня увидят, я следующая. Я тихо закрыла дверь и ушла.

— И не позвонили в полицию? — в голосе Кевина прозвучало ледяное недоверие.

— А что бы я сказала? — Эмили резко подняла на него взгляд, в её глазах вспыхнул гнев. — Что я тайком пробралась в квартиру мужа, чтобы обокрасть его, и стала свидетельницей убийства, но сбежала, чтобы спасти свою шкуру? Меня бы арестовали как главную подозреваемую! Я запаниковала. Мой телефон разрядился ещё в такси, а пользоваться уличным автоматом я боялась до дрожи — вдруг они всё ещё в здании или следят за мной? Я добралась до подружки, а утром, узнав новости, решила, что лучше промолчу. Меня бы всё равно арестовали как главную подозреваемую, и я бы

не выжила в тюрьме.

— А Фрэнки? — спросила Лорелин.

Эмили горько усмехнулась: — Фрэнки — жалкий, навязчивый идиот, который преследовал меня месяцами. Я использовала его, чтобы вызвать ревность у Линна, когда тот стал слишком агрессивным. Но той ночью его там не было. Я клянусь.

Лорелин изучала её лицо. Логика выстраивалась. Страх, паника, эгоизм — это объясняло её поведение и ложь. Но не объясняло всего.

— Вы говорите, там было двое мужчин, — медленно произнесла Лорелин. — Но на теле вашего мужа мы нашли следы от жгута. И следы борьбы. Вы уверены, что не видели ничего ещё? Может, какую-то деталь? Цвет машины? Особую примету?

Эмили нахмурилась, напрягая память. — Я помню... — она замедлила речь. — Когда тот, в тёмной куртке, замахивался, его рукав задрался. На запястье... там была татуировка. Или шрам. Что-то яркое. Красное. В форме... не знаю, похоже на паука или звезду. Я не разглядела.

Кевин медленно кивнул. Это была зацепка. Хрупкая, но реальная.

— Хорошо, миссис Дайсон, — Лорелин закрыла папку. Щелчок прозвучал как финальный аккорд. — А пока вы остаетесь под наблюдением. Не покидайте город.

Эмили кивнула, внезапно выглядев постаревшей на де-

сять лет. — Я хочу, чтобы вы нашли их, — прошептала она, и на этот раз в её голосе не было лжи. — Они убили его, как собаку.

Когда дверь за Эмили закрылась, в комнате воцарилась тишина.

Кевин подошёл к столу и забрал папку. — Она лжёт о масштабах, но говорит правду о фактах, — произнёс он, анализируя. — Она действительно там была. И она видела убийц.

— Двое мужчин, — задумчиво протянула Лорелин. — Один держал, другой бил. Это объясняет синяки от пальцев и характер травмы затылка. И эта татуировка...

— Красная, на запястье, — закончил Кевин. Он посмотрел на неё, и в его глазах вспыхнул тот самый хищный азарт, который она уже начинала узнавать. — Это сужает круг поиска.

— Значит, мы ищем не одиночку, — сказала Лорелин, чувствуя, как адреналин снова разгоняет кровь. — Мы ищем команду.

Кевин усмехнулся, и эта усмешка была обещанием. — Тогда нам лучше поторопиться. Пока они не решили, что свидетельница — это слишком большая проблема, которую нужно устранить.

Он направился к двери, но на пороге остановился и обернулся: — Хорошая работа, напарница. Ты заставила её говорить.

Лорелин позволила себе едва заметную улыбку. — Я толь-

ко задала вопросы, детектив. Ответы дала правда.

— Надо запросить уличные камеры в радиусе квартала от бутика, — сказала Лорелин. — Если она выходила в тот промежуток, её засекут камеры банкомата или соседних магазинов.

Кевин кивнул: — Я уже отправил запрос. Ответ будет через пару часов.

Они вышли в коридор, оставляя позади холодную комнату. Дело перестало быть просто расследованием убийства. Теперь это была охота. И они только что вышли на след.

Детективы вновь вернулись в свой полицейский отдел. В отделе царил привычная полуденная суета, но для Лорелин существовал только огромный пробковый стенд с уликами. Она стояла перед ним, скрестив руки на груди. Её взгляд скользил по фотографиям, выстраивая невидимые связи.

Чёткие синяки от пальцев. Удар в затылок до падения. Активное сопротивление. Это не была спонтанная вспышка гнева. Это была холодная, методичная расправа. Но кому и зачем нужно было превращать убийство в демонстрацию силы?

Из размышлений её выдернул запах свежего эспрессо. Кевин подошёл практически бесшумно, протягивая ей бумажный стаканчик. Он был в своей неизменной экипировке: потёртая чёрная кожаная куртка расстёгнута, под ней — безупречно белая футболка, контрастирующая с тёмными тенями усталости под глазами.

— Ты смотришь на эту доску так, будто хочешь заставить её заговорить, — тихо произнёс он. — И, судя по выражению лица, она пока молчит.

Лорелин взяла стаканчик, её пальцы на мгновение коснулись его руки. Тепло его кожи на фоне прохладной бумаги вызвало короткую, едва уловимую искру. — Она не молчит, — ответила Лорелин, делая глоток. — Просто говорит на языке, который мы ещё не выучили.

Кевин достал из внутреннего кармана куртки тонкий лист бумаги с печатью лаборатории. — Кстати, пришли результаты по майке Фрэнки Кирка, — его голос стал тише, интимнее в гуле офиса. — Волокна не совпадают. Совсем. Ни единого пересечения с тем синим фрагментом, что мы нашли на балконе.

Лорелин медленно пробежала глазами по сухим строкам отчёта. В груди шевельнулся не разочарование, а холодный азарт охотника. — Значит, Фрэнки либо врал, либо он был там не один, — произнесла она. — Мы смотрим не на того человека. Или, как минимум, не на *всех* людей.

Прежде чем Кевин успел ответить, двери лифта распахнулись с чётким, театральным щелчком.

В проёме возникла Эмма Смит. Та самая репортёрша, что вчера снимала репортаж у жёлтой ленты оцепления. Она вошла в участок так, словно это был подиум, а не казённое учреждение. Её огненно-рыжие волосы, уложенные идеальными волнами, отливали медью под люминесцентными лам-

пами. Чёрное платье с глубоким вырезом и тонким поясом подчёркивало фигуру, а цокот шпилек по линолеуму звучал как метроном, отсчитывающий секунды до взрыва.

В воздухе мгновенно потянуло дорогими цветочно-цитрусовыми духами, перебивая запах старой бумаги и кофе.

Кевин напрягся. Его челюсть сжалась, а взгляд стал непроницаемым. Лорелин, наблюдая за этой реакцией, мгновенно всё поняла. Эта женщина была не просто знакомой. Это была та самая «время от времени», о которой шептались в курилке. Та, с кем он проводил ночи, чтобы заглушить одиночество, пока не появилась Лорелин.

Эмма подошла к столу Кевина, игнорируя Лорелин, и положила руку на край столешницы, опасно близко к его руке. — Ты не отвечаешь на звонки, Кев, — её голос был мягким, но в нём звенела сталь. — Я начала волноваться. Думала, ты опять застрял на каком-нибудь трупе.

Кевин сделал едва заметный шаг назад, создавая дистанцию. — У нас дело, Эмма. Я же говорил: не звони мне на рабочий, если это не вопрос жизни и смерти.

— А для меня это и есть вопрос жизни и смерти, — она склонила голову, и её губы тронула обольстительная, но хищная улыбка. — Ты обещал позвонить вчера. Я всё ещё жду тебя сегодня ночью. Или ты уже нашёл себе другое развлечение?

Её взгляд скользнул по Лорелин — медленный, оценивающий, с холодной, вежливой насмешкой. Она сравнила свою

безупречную укладку и дорогое платье с практичной одеждой детектива, и её улыбка стала ещё язвительнее.

Лорелин не дрогнула. Она медленно поставила стаканчик с кофе на стол, щелчок прозвучал в тишине как выстрел. — Если у вас личные дела, мисс Смит, предлагаю решить их за пределами полицейского участка, — произнесла Лорелин. Её голос был ровным, ледяным и абсолютно профессиональным. — У нас здесь расследование убийства. И каждая минута, потраченная на флирт, — это минута, которую мы дарим преступнику.

Эмма медленно повернула к ней голову. — А, ты, наверное, та самая новенькая напарница, — протянула она с деланным удивлением. — Кевин упоминал, что ему дали «помощницу». Я просто не думала, что он имеет в виду кого-то такого... *практичного*.

Лорелин шагнула вперёд, сокращая дистанцию. В её глазах не было ни капли неуверенности, только сталь. — Я детектив Лорелин Хейл. И моя задача — ловить убийц, а не развлекать прессу. Так что, если у вас нет информации по делу Дайсона, дверь лифта вон там. Она работает быстрее, чем ваши намёки.

На мгновение в воздухе повисло электрическое напряжение. Эмма сузила глаза, оценивая соперницу, которая отказывалась играть по её правилам. Кевин, чувствуя, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля, решительно встал между ними.

— Эмма, — его голос прозвучал твёрдо, не оставляя места для спора. — Мы закончили этот разговор. У нас были договорённости, но сейчас не время и не место. Я перезвоню, когда освобожусь. А сейчас — уходи.

Эмма изучила его лицо пару секунд. Поняв, что здесь она ничего не добьётся, она выпрямилась, поправила сумочку на плече и снова одарила Лорелин ледяным взглядом. — Удачи в ваших поисках, детективы. Надеюсь, вы найдёте то, что ищете.

Она развернулась и вышла, оставив после себя лишь шлейф дорогих духов и звонкое эхо каблуков.

Когда двери лифта захлопнулись, Лорелин выдохнула, даже не осознавая, что задерживала дыхание. Она повернулась к столу, слишком энергично собирая бумаги, стараясь не смотреть на Кевина.

— Ты в порядке? — тихо спросил он.

— Абсолютно, — ответила она, не поднимая глаз. — Просто не люблю, когда расследование превращают в мыльную оперу. Эта журналистка явно ищет сенсацию, а не правду.

Кевин обошёл стол и встал так, чтобы она вынуждена была на него посмотреть. — Между нами ничего нет, Лорелин, — сказал он тихо, но предельно чётко. — Были встречи. Физика. Но это закончилось. Я не хочу, чтобы ты думала...

Лорелин наконец подняла на него взгляд. В её глазах мелькнуло что-то уязвимое, но она тут же скрыла это за маской профессионализма. — Кевин, мне всё равно, с кем ты

спишь, — солгала она, и эта ложь прозвучала слишком резко. — Моя единственная задача — раскрыть это дело. И прямо сейчас у нас есть нестыковка с волокнами ткани.

Она протянула ему отчёт лаборатории, демонстрируя, что тема закрыта. Кевин взял бумагу, но не отводил от неё взгляда. Он видел, как она лжёт, и это знание вызвало у него странное, тёплое чувство. Она ревновала. А значит, между ними была не только профессиональная искра.

— Ладно, — кивнул он, принимая её правила игры, по крайней мере, на данный момент. — Ты права. Вернёмся к делу. Но если эта репортёрша начнёт совать нос в наше расследование, ты первая мне скажешь. Мы команда.

Лорелин на секунду замерла, затем её губы тронула едва заметная, искренняя улыбка. — Договорились. А теперь давай посмотрим, кто же на самом деле оставил этот синий фрагмент на балконе.

Они склонились над столом. Напряжение от визита Эммы медленно рассеивалось, уступая место привычному, спасительному ритму работы. Но оба знали: граница между ними была стёрта, и пути назад уже не было.

В этот момент в участок ворвался детектив Варгас. Его шаги эхом отдавались по пустым коридорам, словно предвещая бурю. Он был весь в движении — в нём чувствовалась та неуёмная энергия, которая всегда предшествовала раскрытию сложного дела. Запыхавшийся, с покрасневшим лицом и горящими глазами, он напоминал гончую, взявшую

свежий след.

— Знаю, что опоздал, но дело того стоило! — воскликнул он, вытаскивая изпод пиджака папку с документами, словно это был драгоценный артефакт, способный перевернуть всё расследование. — Я только что получил досье Эммы Дайсон.

Двери распахнулись, и в кабинет стремительно вошёл Рафаэль Варгас. За ним, с неизменной папкой под мышкой, следовал Леам Грей. Никакой паники или запыхавшегося бега, но в их движениях читалась та самая электрическая энергия, которая появляется, когда сыщики чувствуют, что нащупали нерв дела.

Варгас без лишних предисловий швырнул папку на стол Кевина. — Проверка биографии миссис Дайсон, — бросил он, и в его голосе звенел холодный триумф. — Картина маслом.

Лорелин не стала ждать. Она перехватила папку, её глаза быстро, но цепко скользили по строкам полицейского досье.

— До двадцати пяти лет — проституция, мелкие кражи, вожделение в нетрезвом виде, — Варгас загибал пальцы, не отрывая от неё цепкого взгляда. — Потом она исчезает с радаров.

Леам, поправляя манжеты своей безупречной рубашки, плавно подхватил эстафету: — И всплывает уже как миссис Дайсон. Вышла замуж за Артура Пендлтона. Ему было семьдесят два. Через два года он скончался от «естественных причин» — сердечный приступ. И оставил ей всё состояние.

Лорелин откинулась на спинку стула, её пальцы задумчиво постукали по обложке досье. — Она умеет выживать, — тихо произнесла она. — И прекрасно знает, как использовать мужчин для достижения цели. Если она смогла обвести вокруг пальца пожилого миллионера, с нами она будет играть по своим правилам.

Кевин скрестил руки на груди. Его белая футболка резко контрастировала с тёмной кожаной курткой, подчёркивая его неизменный, узнаваемый стиль. — Значит, у нас не просто убитая горем вдова, а женщина с криминальным прошлым, внезапно оказавшаяся на вершине пищевой цепи, — его голос стал тише, но от этого ещё весомее. — Нам нужно выяснить, насколько «естественной» была та смерть.

— Я уже запустил проверку всех её финансовых операций за последние полгода, — отозвался Варгас. — Если она тратила деньги на что-то подозрительное или нанимала кого-то, мы это увидим.

— А я подниму архив по смерти старика, — добавил Грей, его взгляд стал жёстким и деловым. — Не бывает таких удачных браков без подводных камней. Возможно, у неё были сообщники, или она сама мастерски спланировала этот «сердечный приступ».

Кевин кивнул, удовлетворённый чёткостью плана. Он встал, окинул команду оценивающим взглядом. — Отлично. Каждый занимается своим участком. Варгас, копай её старую жизнь, найди тех, кто знал её до того, как она стала «ле-

ди». Леам, дави на медицинский архив и брачный контракт. Мы должны понять её механику, чтобы предвидеть следующий шаг. Приступаем.

Лорелин подошла к пробковой доске с уликами. Она взяла фотографию Эмили Дайсон и переместила её в самый центр. Снимок был сделан несколько лет назад: женщина улыбалась, но в уголках её глаз читалась затаённая, хищная настороженность.

Лорелин взяла красный маркер и обвела фото. От него она провела три жирные линии к новым пунктам: «Прошлое», «Смерть мужа», «Финансы». Сеть сжималась. Каждая линия натягивалась, как струна, готовая зазвучать в нужный момент.

— Если она замешана в этом, мы найдём трещину, — сказала Лорелин, не отрывая взгляда от схемы. — Идеальных преступников не бывает. Всегда остаётся след. Всегда есть ошибка.

Кевин встал рядом с ней, его плечо почти коснулось её. Он внимательно изучал схему, прослеживая взглядом каждую стрелку. В его глазах читалась сосредоточенность человека, который видит не просто набор фактов, а зарождающуюся картину убийства.

— Мы её найдём, — подтвердил он тихо, но с железной уверенностью. — Правда — как заноза. Чем дольше её игнорируют, тем сильнее она гноится. Рано или поздно она вылезет наружу. И тогда нам останется только нанести послед-

ний удар.

Архитектор

Кевин поймал себя на мысли, которую старательно игнорировал последние полчаса. Он хотел пригласить ее на ужин. Формально — чтобы обсудить дела. Но они оба знали, что дела здесь лишь предлог.

Он бросил взгляд на Лорелин. Она стояла у окна, и косые лучи заходящего солнца выхватывали из полумрака ее профиль, золотя выбившиеся из пучка пряди. В этой тишине она казалась совсем другой — не суровым детективом, а просто уставшей женщиной, на плечах которой лежит слишком много чужих тайн.

Лорелин почувствовала на себе его взгляд и обернулась. В ее глазах мелькнуло легкое, едва уловимое удивление. — Что-то не так?

Кевин мысленно выругал себя за неуклюжесть, но его голос прозвучал ровно, лишь с лёгкой хрипотцой: — Я подумал... нам нужно обсудить это дело. Там, где не пахнет прогорклым кофе и отчаянием. Ужин. Сегодня.

Лорелин замерла. Она помнила его холодность в первый день, эту непробиваемую стену, которую он воздвиг вокруг себя. Но за последние недели эта стена дала трещину. Она видела его упорство, скрытую справедливость и ту сложную, противоречивую натуру, которая притягивала ее сильнее, чем ей хотелось бы в этом признаться.

Она слегка наклонила голову, обдумывая ответ. — Если ты уверен, что это поможет раскрыть убийство, а не просто даст повод съесть стейк, — произнесла она, и уголок её губ дрогнул в едва заметной улыбке. — Тогда я согласна. В восемь.

— В восемь, — кивнул Кевин, чувствуя, как внутри разливается странное, приятное облегчение.

Он отвернулся к доске с уликами, чтобы скрыть выражение лица, но Лорелин успела заметить лёгкий румянец на его щеках. Этот ужин будет не просто обсуждением документов. И они оба это понимали.

Стоило им отойти от окна, как атмосфера в участке резко изменилась. Гул голосов, треск принтеров, нервные переговоры по рации. Из кабинета капитана доносился приглушённый, но яростный голос Грэхема, который сыпал аргументами в трубку.

Атмосфера в участке накалилась. Грей и Варгас подошли к их столу, выглядя измотанными. — Мы допросили персонал и саму миссис Дайсон, — Грей потер переносицу. — Её алиби на время убийства не подтвердилось. — С финансами все чисто, — добавил Варгас. — Скрытых счетов нет. Переводов тоже. Она играет по правилам, но это нас ни к чему не приводит.

К дверям кабинета подошел капитан Грэхем. Его появление мгновенно сменило гул голосов напряженным молчанием.

— Отчеты я прочитал, — его голос звучал глухо, но четко. — Мы топчемся на месте. Даю вам сорок восемь часов. Если к утру среды не появится зацепка, которая свяжет вдову, любовника или еще кого-то с телом в переулке, дело передадут в отдел по расследованию тяжких преступлений. Вы меня поняли?

— Так точно, сэр, — ответил Кевин. Грэхем кивнул и скрылся за дверью. Лорелин перевела взгляд на доску с уликами.

— Сорок восемь часов, — тихо сказала она. — Значит, пора перестать стучаться в закрытые двери и начать искать замки.

Через два часа на стол легла распечатка телефонных соединений убитого миллионера. Лорелин пробежала глазами по строчкам и остановилась.

— Смотрите сюда, — она постучала пальцем по бумаге. — Три месяца. Почти ежедневные звонки по одному и тому же номеру. Вечером. Кевин склонился над распечаткой.

— И обрываются за день до убийства. Один звонок. Сорок семь секунд.

— Пит Невилл, — Лорелин уже открыла базу данных. — Владелец бутика «Невилл Винтаж». В двух кварталах от магазина Дайсона. Прямые конкуренты.

Грей быстро застучал по клавишам. На экране появилось фото мужчины с жёстким взглядом и глубокими складками у рта.

— Пять лет назад Дайсон переманил у него ключевых поставщиков и элитных клиентов. Невилл едва не объявил себя банкротом. Бизнес до сих пор еле дышит. Мотив более чем весомый.

— Сорок семь секунд, — задумчиво протянул Варгас. — Ультиматум? Или угроза? — Или признание, — парировала Лорелин. — Но в любом случае он контактировал с жертвой непосредственно перед смертью.

Кевин выпрямился. Усталость сменилась азартом охотника. — Грей, собери всю информацию: биографию Невилла, его сотрудников, клиентов, связи. Варгас, организуй наблюдение за его домом и бутиком. Пусть фиксируют всех, кто входит и выходит. Он повернулся к Лорелин. — А мы поедем к нему лично. Посмотрим, как он отреагирует на вопросы о звонках и о том, что его конкурент теперь лежит в море.

Лорелин уже собирала папку. В ее глазах горел холодный, расчетливый огонек. — Люди, которым есть что терять, редко встречают полицию с улыбкой. — Тем лучше, — Кевин надел кожаную куртку. — Страх — отличный индикатор правды.

Они направились к выходу. Сорок восемь часов неумолимо приближались, но теперь у них была цель. И первый настоящий подозреваемый.

Лорелин застегнула молнию на куртке, и они направились к парковке. Черная «Камаро» отозвалась на нажатие кнопки низким утробным гулом. Внутри пахло кожей и едва улови-

мым ароматом кедра.

Они выехали на оживленную улицу. Город уже погружался в вечернюю дымку, а неоновые вывески начинали свой ночной танец, отражаясь в мокром асфальте.

— Думаешь, мы что-то найдем у Невилла? — спросила Лорелин, нарушив тишину. Ее взгляд был прикован к мелькающим за окном огням.

— Отчаявшиеся люди совершают ошибки, — спокойно ответил Кевин, уверенно ведя машину. — Если за этим действительно стоит он, то образ идеального бизнесмена рано или поздно даст трещину.

Лорелин помолчала, собираясь с духом. Этот вопрос вертелся у неё на языке весь день. — Кевин... Можно задать вопрос, не связанный с работой?

Он бросил на неё быстрый взгляд, удивлённо приподняв бровь, но кивнул: — Валяй.

— Не подумай ничего такого, — она слегка пожала плечами, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо. — Просто... у вас с Эммой всё серьёзно? Она так с тобой разговаривала в участке. Со стороны казалось, что между вами есть... притяжение.

Кевин на мгновение сжал руль. Его взгляд скользнул в зеркало заднего вида, затем снова вернулся к дороге. — Эмили — журналистка. Мы давно знакомы, — осторожно начал он. — Нас связывает... скажем так, взаимное удобство. Мимолётное увлечение, чтобы не сойти с ума от работы.

— «Мимолётное увлечение», — повторила Лорелин, и в её голосе проскользнула лёгкая, почти незаметная ирония. — Звучит как оправдание. Будто ты сам пытаешься себя в этом убедить.

Кевин выдохнул. Он ненадолго оторвал взгляд от дороги, чтобы посмотреть ей в глаза. В полумраке салона её лицо казалось мягче, а в серо-голубых глазах читался неподдельный, тихий интерес. — Возможно, ты права, — тихо признал он. — В нашем деле сложно построить что-то настоящее. Слишком много грязи. Иногда проще держать дистанцию, чтобы не подставлять человека под удар. Или чтобы самому не разочароваться.

— А ты сам этого хочешь? — её голос стал тише, почти интимным. — Держать дистанцию?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и значимый. Кевин почувствовал, как между ними натягивается невидимая струна. Он хотел ответить честно, сказать, что с её появлением эта дистанция начала стираться. Но впереди уже маячил поворот к бутику.

— Давай сосредоточимся на Невилле, — мягко, но твёрдо сказал он, снова надевая профессиональную маску. — Он загнан в угол. А загнанный зверь опасен.

Лорелин кивнула, но тёплый блеск в её глазах не исчез. — Согласна. К делу.

Машина плавно притормозила у тротуара. Бутик «Neville Heritage» выглядел элегантно и сдержанно: витрины в тем-

ных деревянных рамах, приглушенное золотистое освещение и ни одной кричащей вывески.

— Неплохо для бизнеса, который, по нашим данным, едва сводит концы с концами, — тихо заметил Кевин, выходя из машины.

— Или он вложил последние деньги в фасад, чтобы создать видимость успеха, — парировала Лорелин.

Дверной колокольчик мелодично звякнул. Внутри пахло лавандой, старым деревом и дорогим воском. Интерьер был безупречен: дымчатое стекло, бархатные подставки, манекены в винтажном шелке. Но Кевин, привыкший читать помещения как открытые книги, сразу заметил диссонанс: на полках не было пыли, но не было и покупателей. Это был музей, а не магазин.

За стойкой стояла администратор — женщина с безупречной осанкой и гладким каштановым хвостом. Ее зеленые глаза смотрели на них с профессиональной любезностью, но когда Кевин достал значок, ее пальцы на долю секунды замерли над клавиатурой.

— Мы из полиции, — ровным голосом сказал Кевин. — Детектив Эллингтон, детектив Хейл. Нам нужно поговорить с мистером Невиллом.

— Конечно, — ее голос не дрогнул, но улыбка стала чуть натянутой. — Прошу вас присесть в зоне отдыха. Я его позову.

Она развернулась и направилась к задней двери. Ее по-

ходка была слишком ровной, слишком сдержанной. Лорелин перехватила взгляд Кевина и едва заметно кивнула: *она нервничает.*

Вместо того чтобы сесть, детективы начали методично осматривать помещение. Кевин изучал углы на предмет камер, Лорелин скользила взглядом по запасному выходу.

Через минуту дверь открылась, и на пороге появился Пит Невилл. Высокий, в дорогом, но слегка помятом костюме. Лицо у него было жесткое, со глубокими складками у рта. Увидев детективов, он на мгновение замер, и в его глазах вспыхнула искра чистой, животной тревоги. Но он тут же взял себя в руки и натянуто улыбнулся.

— Добрый день, офицеры, — он шагнул навстречу, протягивая руку. — Чем могу быть полезен?

Кевин проигнорировал протянутую руку. — Добрый день, мистер Невилл. Мы расследуем убийство Линна Дайсона. И нам нужно понять, почему за неделю до его смерти вы перестали ему звонить.

Улыбка Невилла дрогнула и исчезла. Он медленно опустил руку. — Убийство? — он нахмурился, изображая искреннее недоумение. — Я читал в новостях. Трагедия. Но при чем тут я? Мы с Линном действительно общались по деловым вопросам, но наши разногласия остались в прошлом. Бизнес есть бизнес.

— Разногласия, из-за которых вы едва не обанкротились пять лет назад? — вмешалась Лорелин. Её голос звучал мяг-

ко, но твёрдо. — По нашим данным, вы звонили ему почти каждый вечер в течение трёх месяцев. А за день до убийства состоялся последний звонок. Продолжительностью 47 секунд. О чём вы говорили эти 47 секунд, мистер Невилл?

Невилл стиснул зубы. Его взгляд метнулся к администратору, которая стояла у стены бледная как полотно. — Я не обязан отчитываться за личные разговоры, — холодно произнёс он. — Если у вас нет ордера, прошу вас покинуть мой магазин.

В этот момент в кармане Кевина завибрировал телефон. Он достал его, посмотрел на экран: *Варгас*. — Извините, я на секунду отойду, — Кевин отошел к витрине и взял трубку. — Слушаю.

— Кевин, это Варгас, — голос коллеги звучал возбужденно, но приглушенно. — Мы подняли биллинг и смогли восстановить часть аудиозаписи последнего звонка Невилла. Тебе лучше это услышать.

— Говори, — Кевин не сводил глаз с Невилла, который наблюдал за ним с напряженным любопытством.

— Это не деловой разговор, Кев. Это прямая и недвусмысленная угроза. Невилл орал, что, если Дайсон не подпишет документы о передаче доли, он «похоронит его так глубоко, что даже черти не найдут». И еще он упомянул порт.

Кевин медленно положил телефон в карман. Воздух в бутике словно стал гуще. Он медленно повернулся к Невиллу. Маска вежливого детектива спала, уступив место холодно-

му, хищному вниманию.

— Знаешь, Пит, — начал Кевин, медленно делая шаг вперёд, — разногласия в бизнесе — это одно. Но когда ты кричишь в трубку, что собираешься похоронить человека так глубоко, что его не найдут даже черти... это уже не бизнес. Это мотив для убийства.

С лица Невилла мгновенно схлынула краска. Его глаза расширились, а руки непроизвольно сжались в кулаки. Он понял, что его блеф не удался.

— Это... вырвано из контекста! — выпалил он, и его голос предательски дрогнул. — Я был зол! Я просто выпускал пар! Я никого не убивал!

— Тогда вам не составит труда объяснить, — Лорелин подошла к нему вплотную, её взгляд был пронзительным, — что вы делали в порту в ночь убийства? Потому что, мистер Невилл, мы уже знаем, что вы там были.

Невилл открыл рот, чтобы возразить, но не смог издать ни звука. Ловушка захлопнулась.

— Люди постоянно угрожают друг другу, детектив. Это часть бизнеса, — Невилл попытался взять себя в руки, но его пальцы нервно теребили манжету пиджака. — Вы что, никогда не слышали резких высказываний в адрес конкурентов?

— Некоторые выполняют свои угрозы, — парировала Лорелин. Её голос звучал тихо, но каждое слово било точно в цель. — Зачем так злобно угрожать человеку, с которым у вас, по вашим же словам, «остались в прошлом» разногла-

сия?

— Конкурент?! — Невилл резко вскинул голову. Маска вежливости треснула, обнажив горькую, язвительную усмешку. — Да мне плевать на него как на конкурента! Он был паразитом. Он только и умел, что льстить, обещать золотые горы, а потом кидать людей. Лицемер и вор.

— Вы обвиняете убитого во лжи, чтобы оправдать свою ненависть, — спокойно заметил Кевин, делая шаг вперёд. — Но давайте посмотрим на факты. У Дайсона были клиенты, деньги и связи. У вас — долги и судебные разбирательства. У вас был мотив. Вы угрожали ему. И вы звонили ему прямо перед смертью.

Невилл расхохотался. Смех получился сухим, неестественным и эхом отразился от стеклянных витрин. Клэр за стойкой замерла, ее пальцы побелели, вцепившись в каталог.

— Убить?! — Невилл оборвал смех так же резко, как и начал. В его глазах мелькнуло что-то похожее на отчаяние. — Да, признаю: я угрожал ему. Я хотел, чтобы он знал, что я не сдамся без боя. Но я не убийца. Я хотел разорить его бизнес, а не похоронить его самого.

Лорелин поймала его взгляд. Она видела, как он цепляется за эту грань. — Вы подавали иски, писали жалобы, — продолжила она, сменив тактику с атаки на сочувствие. — Но Дайсон всегда был на шаг впереди, верно? Он использовал связи, подкуп, подделывал документы... Вы чувствовали себя бессильным.

Невилл сглотнул. Его высокомерие начало таять, уступая место усталости загнанного в угол человека. — Вы не представляете, каково это, — прошептал он, и в его голосе впервые прозвучала искренность. — Сражаться с тенью. Он всегда побеждал.

— Именно поэтому мы здесь, мистер Невилл, — мягко, но твёрдо сказал Кевин. — Потому что в эту игру выиграл кто-то другой. Кто-то, кто знал о ваших угрозах. Кто-то, кто прекрасно понимал: если Дайсон умрёт, все укажут на вас.

Невилл замер. Слова детектива повисли в воздухе, тяжёлые и неоспоримые. Он медленно опустил голову на стул и провел дрожащей рукой по лицу. — Подставить... — пробормотал он, глядя в пустоту. — Вы думаете, кто-то воспользовался моей ссорой с ним, чтобы обеспечить себе алиби?

— Такое случается чаще, чем вы думаете, — кивнул Кевин. — У Дайсона могло быть много врагов. А вы — идеальный козел отпущения. У вас есть мотив, история конфликтов и записанные угрозы.

Невилл поднял глаза на детективов. В них больше не было злости, только холодное, отрезвляющее осознание. — Я... я никогда не смотрел на это с такой точки зрения, — тихо признался он. — Но если это так... Если кто-то действительно решил убрать его, используя меня как прикрытие...

— Тогда нам нужно знать всё, — перебила его Лорелин, наклонившись к нему. — Всё, что вы знаете о его тёмных делишках. О людях, с которыми у него были проблемы. Воз-

можно, среди них есть тот, кто спланировал это убийство.

Невилл помолчал, взвешивая риски. Клэр за его спиной едва заметно подалась вперед, затаив дыхание. — Хорошо, — наконец произнес он, и его голос зазвучал с новой мрачной твердостью. — Я расскажу вам то, о чем не говорил даже полиции. Дайсон вел дела не только с поставщиками. В последние месяцы он связался с людьми... из другого мира. С людьми, которые не подают в суд, когда их обманывают.

Кевин и Лорелин переглянулись. Это была та самая ниточка, которая вела из уютного мира моды в грязный порт. — Продолжайте, — потребовал Кевин, доставая блокнот.

— Я пытался предупредить его, — продолжил Невилл, понизив голос до шёпота. — Но один из этих людей перехватил меня. Он сказал, что, если я не заткнусь и не отозву свои иски, мой бутик сгорит дотла, а я исчезну. Я испугался. Я отступил. А потом... потом Дайсона нашли мёртвым.

В бутике повисла звенящая тишина. Лорелин быстро взглянула на Клэр. Управляющая стояла совершенно неподвижно, но ее глаза были широко раскрыты. Она знала. Или, по крайней мере, догадывалась.

— Имя, — коротко бросил Кевин. — Как звали этого человека?

— Я не знаю его имени, — Невилл развёл руками в жесте бессилия. — Только прозвище. Его люди называли его Архитектором. И он что-то говорил о портовых доках.

Кевин медленно закрыл блокнот. Пазл начал складывать-

ся, и картина получалась пугающей. — Спасибо, мистер Невилл, — сказал он, кладя на стол визитку. — Это многое меняет. Если вспомните что-то ещё — даже мелочь, которая покажется вам незначительной, — немедленно звоните мне. И, мистер Невилл... постарайтесь не оставаться в этом здании одному по ночам.

Невилл взял визитку и сжал ее в ладони так, что побелели костяшки пальцев. — Я понял. Удачи в расследовании, детективы. Надеюсь, вы найдете того, кто это сделал. Настоящего монстра.

Детективы развернулись и направились к выходу. Колокольчик над дверью мелодично звякнул, отрезая их от душной атмосферы бутика.

Дневной воздух на улице обжег лицо прохладой. Лорелин оглянулась через стекло витрины. Невилл стоял у окна и смотрел им вслед. В его позе больше не было высокомерия. Это был человек, который только что осознал, что ходил по краю пропасти, даже не замечая ее.

— «Архитектор», — тихо произнесла Лорелин, садясь в «Камаро». — И портовые доки. Кевин завёл двигатель, и низкий рёв мотора разорвал тишину на улице. — Да, — ответил он, включая поворотник. — Кажется, наша маленькая конкуренция в мире моды привела нас в настоящий ад. Держись крепче, напарница. Сейчас мы узнаем, кто стоит за этой игрой.

Машина плавно влилась в вечерний поток транспорта,

оставляя за собой сверкающие огни Мэдисон-авеню. В салоне «Камаро» повисла напряженная, но продуктивная тишина. Лорелин прокручивала в голове слова Невилла: «*Архитектор*». «*Портовые доки*».

Внезапно телефон Кевина, лежавший на центральной консоли, коротко завибрировал. Это был не звонок, а сообщение. На экране высветилось имя: *Грей*.

Кевин бросил быстрый взгляд на дорогу, затем на экран. — Грей нашёл ещё кое-что, — произнёс он, и в его голосе прозвучала та самая искра азарта, которая всегда появлялась, когда пазл начинал складываться в новую, неожиданную картину. — Слушай.

Он нажал на кнопку воспроизведения голосового сообщения, чтобы Лорелин сама всё услышала.

«Кев, Лорелин, это Грей. Пока вы были у Невилла, я поднял архивы судебных исков и медиасканов за последние два года. Нашёл ещё одну горячую точку. Мартин Беккер. Архитектор и девелопер. Полгода назад между ним и Дайсоном разразился скандал, который попал на первые полосы всех деловых изданий. Дайсон публично обвинил Беккера в использовании некачественных материалов и мошенничестве при строительстве элитного комплекса». В итоге проект заморозили, репутация Беккера была подорвана, а его фирма обанкротилась. Беккер потерял всё. И, судя по последним данным, он до сих пор живёт в своём старом лофте-офисе в Вест-Сайде и ни с кем не общается. Думаю, вам стоит

навестить его, пока он не решил стать следующим трупом или не сбежал.

Сообщение оборвалось.

Лорелин нахмурилась, взглядываясь в темнеющее за окном небо. — Мартин Беккер... — медленно произнесла она. — Архитектор. Невилл сказал, что человек, который ему угрожал, называл себя «Архитектором».

Кевин нахмурился и крепче сжал руль. — Думаешь, это совпадение? Невилл говорил о криминальном авторитете из доков, а Грей присылает нам настоящего архитектора, чью жизнь Дайсон разрушил публично и безжалостно.

— В нашем деле совпадений не бывает, Кевин, — Лорелин повернулась к нему, её глаза блестели в полумраке салона. — Есть два варианта. Либо «Архитектор» из портов — это псевдоним, и Беккер как-то связан с этими людьми. Либо у Дайсона было два смертельных врага: один действовал в тени портов, а у второго был идеальный, громкий и общепризнанный мотив для мести, который висел в воздухе, как вывеска.

— Публичная месть — это громко, — заметил Кевин, включив поворотник и резко перестроившись на соседнюю полосу, чтобы выехать на Вест-Сайд. — Слишком громко для профессионального убийства. Если бы Беккер хотел его убить, он бы не афишировал свою ненависть на страницах газет.

— Или это идеальное прикрытие, — парировала Лорелин,

и ее голос стал тише и расчетливее. — Все, включая полицию, сразу подумают: «Ага, это месть обиженного архитектора». А настоящий убийца тем временем спокойно смоем кровь с рук в порту. Нам нужно поговорить с Беккером. Прямо сейчас.

— У нас осталось меньше сорока восьми часов, — Кевин вдавил педаль газа, и двигатель «Камаро» отозвался глухим хищным рыком. — Держись.

Лофт-студия Мартина Беккера располагалась в бывшем промышленном здании на окраине Вест-Сайда. В этот час район был тихим, почти безлюдным, освещенным лишь редкими мигающими фонарями. Само здание выглядело мрачным монолитом из красного кирпича и закопченного стекла.

Кевин припарковал машину в тени высокого забора. Они вышли, и Лорелин инстинктивно проверила, легко ли вынимается пистолет из кобуры. Ночь выдалась по-настоящему холодной, ветер с реки приносил запах сырости и далёкие гудки пароходов.

— В окнах третьего этажа горит свет, — тихо заметила Лорелин, указывая подбородком на единственное освещенное прямоугольное окно под самой крышей.

— И ни одной машины у входа, — добавил Кевин. — Он либо один, либо ждёт гостей, которых не хочет афишировать.

Они поднялись по металлической пожарной лестнице, стараясь не шуметь. На площадке третьего этажа Кевин

постучал в массивную металлическую дверь. Три четких, властных удара.

Тишина.

Затем послышались шаркающие, неуверенные шаги. Щелчок замка. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показалось лицо.

Это был мужчина лет пятидесяти, но выглядел он на все шестьдесят. Глубокие залысины, щетина, мешки под глазами, в которых застыли хроническая усталость и подозрительность. На нем была растянутая домашняя кофта, от которой пахло старым табаком и затхлым воздухом.

— Мы закрыты, — хрипло произнёс он, даже не пытаясь приоткрыть дверь. — Если вы из налоговой, я уже сказал: у меня нет денег на налоги.

Кевин медленно, стараясь не делать резких движений, достал значок и поднёс его к щели. — Полиция, мистер Беккер. Детектив Эллингтон. Это детектив Хейл. Нам нужно поговорить о Линне Дайсон.

Реакция последовала мгновенно. Лицо Беккера исказила гримаса, в которой смешались ярость, страх и что-то еще — панический ужас. Услышав имя Дайсона, мужчина сам распахнул дверь: - Входите

Лофт был огромным, но пустым. На бетонном полу стоял только старый чертежный стол, заваленный бумагами, и одинокий стул. На стенах висели распечатки тех самых газетных статей с заголовками: *«Дайсон разоблачает мошенника»* и

«Крах империи Беккера». Они были не просто развешаны — они были исписаны красным маркером, разорваны и снова склеены, образуя маниакальный коллаж ненависти.

— Вы не имеете права здесь находиться! — закричал Беккер, отступая к столу. Его руки дрожали. — Я ничего не сделал! Я уже давал показания полгода назад!

— Мы не по поводу того дела, Мартин, — спокойно, но твёрдо произнесла Лорелин, закрывая за собой дверь. — Мы по поводу того, что случилось с Дайсоном три дня назад.

Беккер замер. Его широко раскрытые глаза переметнулись с Лорелин на Кевина. — Он... он мертв?

— Убит, — отрезал Кевин, делая шаг вперёд. — И, учитывая, что вы публично поклялись уничтожить его за то, что он сделал с вашей жизнью, вы автоматически становитесь нашим главным подозреваемым. Так что у вас есть ровно минута, чтобы объяснить нам, где вы были в ночь с четверга на пятницу и почему ваши отпечатки могут быть там, где их быть не должно.

Беккер медленно сполз по стене на холодный бетонный пол и закрыл лицо дрожащими руками. — Я не убивал его, — прошептал он, и в его голосе не было лжи, только бесконечная, безысходная горечь. — Я хотел... Боже, я хотел, чтобы он сгорел в аду. Но я не убивал его. Потому что в ту ночь... в ту ночь я был не один. И тот, кто был со мной, знает, что я не выходил из этого лофта.

Кевин и Лорелин переглянулись. В полумраке пустого

лофта прозвучало слово, которое изменило всё.

— И кто же это был, мистер Беккер? — тихо спросила Лорелин, присаживаясь перед ним на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Беккер поднял на неё взгляд, полный мольбы и страха. — Человек, который сказал, что может вернуть мне всё, что отнял Дайсон. Но цена была слишком высока.

— Цена была слишком высока, — прошептал Беккер. Его взгляд метался по пустым стенам лофта, словно он до сих пор видел здесь этого человека.

— Какая цена? — Кевин шагнул ближе, его тень накрыла съежившуюся фигуру архитектора. — И кто этот человек?

Беккер сглотнул. Его пальцы нервно теребили край растянутой кофты. — Он назвался Романом.

Лорелин тут же достала блокнот и щелкнула ручкой. — Фамилия? Телефон? Адрес? Где вы с ним встречались?

Беккер издал короткий горький смешок, больше похожий на сухой кашель. — Вы не понимаете, детектив. У таких людей нет визиток. Он не оставляет контактов. Он сам находит тех, кто ему нужен. Он пришел сюда, в этот лофт, две недели назад. Просто постучал в дверь.

— Опишите его, — потребовал Кевин, и в его голосе не было места сомнениям. — В подробностях.

Беккер закрыл глаза, словно пытаясь стереть воспоминание, но оно было слишком ярким. — Ему лет тридцать пять. Одет безупречно, в дорогой темный костюм, словно пришел

на совет директоров, а не в заброшенный лофт в Вест-Сайде. Но пахло от него... солью. И машинным маслом. Портом.

Лорелин и Кевин переглянулись. *Порт*. Нить, о которой говорил Невилл, начала затягиваться.

— Но запомнилось не это, — продолжил Беккер, и его голос дрогнул. — У него шрам. Тонкий, бледный, пересекает левую бровь и спускается вниз, к скуле. Будто его ударили осколком стекла или лезвием. А глаза... — Беккер открыл глаза, и в них читался неподдельный ужас. — Пустые. Абсолютно мертвые. Он говорил тихо, спокойно, но от этого становилось только страшнее. Он сказал, что Дайсон должен «исчезнуть» и что у него есть люди, которые сделают все чисто. А я должен был просто предоставить ему чертежи служебных входов в здание Дайсона.

— И вы дали ему чертежи? — тихо спросила Лорелин.

— Я выгнал его, — выпалил Беккер, и по его щеке скатилась капля пота. — Я накричал на него и захлопнул дверь. Я не убийца! Я не хотел иметь с этим ничего общего! Но потом... потом я понял, что он знал обо мне всё. Он упомянул мои долги, мои судебные разбирательства. Он дал мне понять, что, если я не помогу ему другим способом, он уничтожит и те крохи, что у меня остались.

Кевин медленно кивнул. Он достал телефон и быстро набрал сообщение Грею: *«Новая цель. Имя: Роман. Связь с портом. Особая примета: бледный шрам через левую бровь к скуле. Проверить все камеры и базы данных в доках за по-*

следние две недели».

Он убрал телефон и посмотрел на Беккера сверху вниз. — Вы правильно сделали, что не дали ему чертежи. Но теперь вы в игре, мистер Беккер, хотите вы того или нет.

— Я знаю, — прошептал архитектор. Он умоляюще посмотрел на Кевина. — Только умоляю вас... если вы его найдете, не говорите ему, что это я дал вам его описание. Он меня убьет. Он сделает так, что все будет выглядеть как несчастный случай.

— Мы защитим вас, если вы будете с нами откровенны, — холодно, но твердо произнесла Лорелин. — Если Роман снова появится или вы вспомните еще что-нибудь, позвоните мне. Сразу. Не ждите утра.

Она положила на чертежный стол свою визитку. Беккер посмотрел на нее, как на тонкий листок бумаги, который не защитит его от надвигающейся бури, но медленно кивнул.

Лорелин захлопнула блокнот. — Шрам через левую бровь, портовый запах и отметина на запястье, которую видела Эмили, — повторила она, прокручивая информацию в голове. — Если всё это относится к одному человеку по имени Роман, у нас есть его полный портрет. И это не наёмник-одиночка. Это тот, кто привык командовать.

— Пойдем, — бросил Кевин Лорелин.

Они вышли из лофта, оставив Беккера в его добровольной тюрьме. Металлическая дверь с тяжелым лязгом захлопнулась за их спинами, отрезав их от запаха затхлого воздуха и

страха.

На улице ночной ветер с реки ударил в лицо, разгоняя духоту. Лорелин подняла воротник куртки. — Шрам через левую бровь. Портовый запах, — повторила она, прокручивая информацию в голове. — Это не наемник-одиночка. Это кто-то, кто привык командовать в своей среде.

— Грей проверит базы портовых рабочих, логистов и мелких сошек, — Кевин открыл дверь «Камаро». — Но если этот Роман действительно связан с «Архитектором» из доков, нам нужно быть на шаг впереди.

Ужин

Поздний вечер окутал полицейский участок густой, вязкой тишиной. Дневная суета сменилась размеренным стуком клавиатур дежурных и редким скрипом стульев. Лорелин устало потерла переносицу, бросила куртку на спинку кресла и потянулась за сумкой.

— Эй, — раздался голос Кевина, прервав ее сборы. Он стоял, облокотившись на дверной косяк, и в полумраке его глаза казались удивительно теплыми, несмотря на усталость. — Ты забыла, что обещала со мной поужинать?

Лорелин замерла, ее рука зависла над ремнем сумки. — Кевин, мы все еще ждем отчет от Бекки. ДНК из-под ногтей жертвы и анализ тех самых волокон. Она обещала предоставить предварительные результаты к утру.

— Именно поэтому нам нужно поесть, — мягко, но решительно возразил он. — Пока Бекки колдует над микроскопом, мы ничего не изменим. А если мы свалимся от истощения, то пропустим момент, когда она позвонит. Я забронировал столик в *Охотосо* в Гринпойнте. Настоящая еда, а не офисная бурда из автомата.

Лорелин посмотрела на него, и напряжение, которое она весь день носила в себе, начало медленно спадать. Она тихо улыбнулась. — Я и правда забыла. Но я не откажусь.

Поездка в Бруклин прошла в комфортной, почти интим-

ной тишине, которую нарушала лишь тихая музыка из динамиков «Камаро». Вечерний воздух, свежий и прохладный после душного, пропитанного кофе офиса, словно смывал с них напряжение прошедшего дня.

Ресторан встретил их теплом и пряными ароматами: жареных специй, свежей кинзы, дымом от гриля. Внутри царил оживленная, но уютная атмосфера. Хостес проводила их к тихому угловому столику, скрытому от посторонних глаз высокой перегородкой с вьющимися растениями.

Они заказали «Маргариту» и закуски. Когда официантка ушла, Кевин наклонился к столу. Его тон из непринужденного стал более глубоким и доверительным.

— Знаешь, — начал он, глядя на неё поверх бокала, — я давно хотел спросить. Почему именно эта работа? Ты умная, у тебя было блестящее будущее в Куантико. Ты могла бы заниматься аналитикой в уютном офисе с видом на парк. Но ты лезешь в самую грязь, в самые тёмные уголки этого города.

Лорелин опустила взгляд на свой бокал. Улыбка медленно сошла с ее лица. Кевин тут же пожалел о своем вопросе, но отступить было поздно.

— Это самая болезненная тема, — тихо сказала она. Ее голос дрогнул, но она не отвела взгляд. — Но, наверное, пришло время.

Она сделала глубокий вдох, словно ныряя в холодную воду. — Мне было пять. Обычный вторник. Мама укладыва-

ла меня спать. А потом я услышала внизу грохот. Мужские голоса. Мама схватила меня и запихнула в шкаф. Сказала: «Тихо. Не дыши».

Кевин замер, не смея пошевелиться. Он видел, как напрыглись ее плечи, как побелели костяшки пальцев, сжимающих стакан.

— Я всё слышала, — продолжила она, и в её голосе не было слёз, только леденящая душу застарелая пустота. — Ругань. Удары. А потом... тишина. Когда я вышла, они лежали в коридоре. Мама и папа.

Она замолчала, глядя куда-то сквозь Кевина, в то далёкое мрачное прошлое. — Дело закрыли через месяц. «Несчастный случай при ограблении», «недостаточно улик». Всё замяли. Но я знала, что это не случайность. Я стала детективом не для того, чтобы «спасти мир», Кевин. Я стала детективом, чтобы никто больше не смог замести следы так, как это сделали с моей семьёй. Чтобы у монстров не было ни единого шанса уйти.

За столом повисла тяжёлая, звенящая тишина, заглушающая даже шум ресторана. Кевин смотрел на неё, и в груди у него сжималось что-то острое и тёплое. Он хотел сказать что-то утешительное, но понимал, что любые шаблонные слова сейчас прозвучат фальшиво и оскорбительно.

Вместо этого он медленно протянул руку через стол и накрыл ее холодную ладонь своей. Его рука была большой, теплой и надежной. — Мы найдем их, — сказал он тихо, но с

железной, непоколебимой уверенностью. — Тех, кто стоит за Дайсоном. И тех, кто забрал твоих родителей. Я обещаю.

Лорелин посмотрела на их сплетённые руки, затем подняла на него глаза. В её взгляде больше не было непробиваемой брони. Только уязвимость и тихая, хрупкая благодарность. — Спасибо, Кевин, — прошептала она. — Это... много для меня значит. Я никому этого не рассказывала.

— Знаешь, — начал он, глядя на неё поверх бокала, — у меня был доступ к твоим закрытым служебным каналам. Я мог бы запросить полное досье: оценки в академии, рапорты, характеристики.

Лорелин на мгновение напряглась, её пальцы плотно обхватили ножку бокала. — И? Ты нашел что-то, что заставило бы тебя передумать насчет напарницы?

Кевин покачал головой, и в его взгляде мелькнуло искреннее уважение. — Я не стал этого делать.

Лорелин удивленно приподняла бровь. — Почему? Любопытство убило не только кошку, детектив.

— Потому что это было бы неуместно, — спокойно ответил он. — Я не твой надзиратель, который ищет компромат. Ты мой напарник. И если ты захочешь, чтобы я что-то знал о твоём прошлом, ты скажешь мне это сама. Я предпочитаю слышать правду из первых уст, а не читать сухие казенные строки.

Лорелин медленно выдохнула, и её плечи действительно расслабились. Впервые за долгое время рядом с мужчи-

ной она не чувствовала необходимости выстраивать оборонительные стены. — Спасибо, — тихо сказала она. — Это... многое значит.

— Но, — Кевин хитро прищурился, делая глоток текилы, — одно меня все же интересует. И это не указано в стандартных сводках. Quantico — это золотой билет. Выпускники с твоими оценками по поведенческому анализу обычно сразу улетают в ФБР или занимают теплые аналитические кресла в Вашингтоне с видом на парк. А в твоём деле просто сухая строчка: «перевод». Так где ты действительно провела последние годы, Лорелин?

Она опустила взгляд на свой бокал, и на её губах появилась легкая, ностальгическая улыбка. — Джерси-Сити, — произнесла она. — Через реку.

Кевин усмехнулся. — Полицейский департамент Джерси-Сити. Грязно, шумно и далеко от блеска Манхэттена. Не самый очевидный выбор для звезды Квантико.

— Именно поэтому я туда и пошла, — Лорелин подняла на него ясный взгляд. — Я не хотела сидеть в кабинете и строить профили маньяков по фотографиям. Я хотела понять, как этот город дышит, когда он ранен. Первые шесть месяцев я была, по сути, прославленным картотечным шкафом. Я сортировала бумаги по холодным делам, носила кофе детективам, которые даже не удосуживались запомнить мое имя.

— Звучит знакомо, — усмехнулся Кевин. — Добро пожа-

ловать в полицию.

— Но я не собиралась там застревать, — продолжила она, и в её голосе зазвенела сталь. — Я вызвалась на каждую дополнительную смену, каждую тактическую тренировку, каждый семинар по кризисным переговорам, который только можно было найти. Я хотела набраться опыта там, где учебники не работают. В итоге они дали мне жетон и рацию. Патрульная служба.

— Патруль в Джерси-Сити, — Кевин присвистнул, оценивающе глядя на неё. — Это не прогулка по парку. Там учат быстро.

— Там учат выживать, — поправила его Лорелин. — Ты учишься читать уличный угол за три секунды. Ты учишься отличать того, кто врет, от того, кто смертельно напуган. Ты учишься тому, что справедливость — это не абстракция из лекций, а то, что ты вырываешь зубами из лап хаоса каждый день.

Кевин внимательно слушал её, не перебивая. В её словах чувствовалась не хвастовство, а выстраданная мудрость. — Почему именно Джерси-Сити? — мягко спросил он. — Почему не осталась в штате Нью-Йорк, поближе к городу?

Улыбка Лорелин дрогнула и медленно сошла с её лица. Она провела пальцем по запотевшему краю бокала. — Моя бабушка, Маргарет. Она забрала меня к себе после... после той ночи. Она жила в небольшом доме в районе Джернал-сквер. Я переехала к ней, чтобы заботиться о ней, пока

работала. Она была моим якорем. Единственным человеком, который заставлял меня чувствовать себя в безопасности.

Кевин замер, понимая, что коснулся чего-то очень хрупкого. — Где она сейчас?

Лорелин посмотрела куда-то сквозь него, в темный угол ресторана. — Два года назад. Рак. Она ушла тихо, во сне. После её смерти дом стал слишком большим и пустым. А работа в патруле Джерси-Сити вдруг показалась мне слишком маленькой. Я поняла, что научилась там всему, чему могла. Но одно дело... то самое дело, с которого всё началось пятнадцать лет назад... так и не было закрыто по-настоящему. Все нити вели обратно сюда. В Нью-Йорк. В девятый участок.

В ресторане повисла тяжелая, звенящая тишина, заглушающая даже фоновый шум. Кевин смотрел на неё, и в груди у него сжималось что-то острое и теплое. Он хотел сказать что-то утешительное, но понимал, что любые шаблонные слова сейчас прозвучат фальшиво и оскорбительно.

Вместо этого он медленно протянул руку через стол и накрыл ее холодную ладонь своей. Его рука была большой, теплой и надежной. — Ты не просто пришла сюда за повышением, да? — тихо спросил он.

Лорелин подняла на него глаза. В её взгляде больше не было непробиваемой брони. Только уязвимость и тихая, хрупкая решимость. — Нет. Я пришла сюда, чтобы закончить то, что было начато. Чтобы убедиться, что монстры больше не смогут прятаться в тени, думая, что они в безопасности.

Они просидели в ресторане еще час, но больше к делу не возвращались. Они болтали о пустяках, смеялись над нелепыми случаями из практики, и с каждой минутой невидимая стена между ними рушилась, уступая место чему-то настоящему.

Когда они вышли на улицу, ночной Бруклин встретил их прохладой и мерцанием фонарей. Лорелин вызвала такси. Они стояли на тротуаре, и в воздухе снова повисла пауза, но на этот раз она была наполнена не напряжением из-за дедлайнов, а чем-то гораздо более сложным и личным.

— Спасибо за ужин, — сказала Лорелин, когда подъехала машина. Она посмотрела на него, и в ее глазах мелькнула тень сомнения, борьбы с самой собой.

— Спасибо, что согласилась, — ответил Кевин. Он хотел сказать что-то ещё. Что-то важное. Но слова застряли в горле.

Она быстро наклонилась и поцеловала его в щеку — легко, почти невесомо, но этот мимолетный поцелуй обжег сильнее текилы. — До завтра, напарник, — улыбнулась она и села в машину.

Кевин остался стоять на тротуаре, провожая взглядом удаляющиеся красные огни такси. Он знал, что должен вернуться к работе, к делу, к дедлайну. Но все, о чем он мог думать сейчас, — это ее глаза в полумраке ресторана, ее дрожащий голос в темноте шкафа и обещание, которое он только что дал.

Граница между «просто напарниками» стерлась. И, глядя на пустую улицу, он понимал, что пути назад уже нет.

Замок входной двери щелкнул с глухим, тяжелым звуком, отрезав Лорелин от шумного, живого города. Она прислонилась спиной к двери и на мгновение закрыла глаза, сбрасывая накопившееся за день напряжение. Сняв туфли, она босиком ступила на прохладный паркет.

Ее квартира была воплощением строгого минимализма. Никаких лишних вещей, никаких ярких пятен. Светло-серые стены, лаконичная мебель, идеальная чистота. Это было не столько жилище, сколько укрепленное святилище, место, где она могла сбросить маску детектива и остаться наедине со своими демонами.

В центре гостиной, на самой видной стене, висел большой портрет в простой, но дорогой раме. На фотографии ее родители были молодыми, счастливыми и совершенно беззащитными. Мать смеялась, запрокинув голову, отец обнимал ее за плечи. Рядом, на маленькой полке, стояла черно-белая фотография улыбающейся женщины с добрыми глазами — бабушки Маргарет. Этот снимок был её личным алтарем, перед которым она мысленно отчитывалась каждый вечер.

«Терпение, Лорелин, — вспомнила она тихий, хрипловатый голос бабушки. — Правда сама постучится в дверь, когда ты будешь готова её выслушать».

Лорелин подошла к портретам, провела пальцем по стеклу, коснувшись улыбки матери, а затем резко отвернулась.

Ей нужно было смыть с себя этот день. Смыть запах мексиканских специй, текилы, офисной пыли и то липкое, уязвимое чувство, которое она позволила себе испытать рядом с Кевином.

В ванной она быстро сбросила одежду, ставшую второй кожей, и встала под горячие струи душа. Вода обжигала, смывая не только физическую усталость, но и остатки эмоциональной брони. Через десять минут она вышла, накинув на влажное тело черный атласный халат. Гладкая холодная ткань скользила по коже, плотно облекая фигуру и создавая ощущение хрупкой, но надежной защиты.

Она прошла в спальню и открыла дверцу встроенного шкафа. Отодвинув в сторону идеально выглаженные рубашки и костюмы, она нащупала в глубине верхней полки тяжелую металлическую шкатулку с кодовым замком. Щелчок механизма прозвучал в тишине квартиры как выстрел.

Лорелин поставила коробку на кровать и откинула крышку.

Внутри не было ничего, что напоминало бы о беззаботной жизни. Здесь хранилась ее настоящая жизнь. Тщательно рассортированные папки, пожелтевшие газетные вырезки, копии полицейских протоколов, к которым у нее не должно было быть доступа, финансовые выписки и схемы, испещренные ее пометками красным маркером.

На протяжении всей учебы в академии, а затем и в первые годы службы в Джерси-Сити, она вела собственное тай-

ное расследование. Пока все думали, что она просто старается быть хорошим копом, она методично, год за годом, собирала по крупицам информацию о той страшной ночи. Она нашла подставных свидетелей, проследила цепочки подставных фирм и вышла на след людей, которые организовали то «ограбление».

Она нашла причастных.

Но она никому об этом не сказала. Ни капитану, ни Кевину. Потому что нити вели не к обычным бандитам с большой дороги. Они вели на самый верх пищевой цепочки, к человеку, чье имя было синонимом власти, денег и безнаказанности в криминальном мире Нью-Йорка. Человеку, который мог одним телефонным звонком разрушить не только ее карьеру, но и ее саму. Одно неосторожное движение — и она стала бы следующей жертвой «несчастливого случая».

Дрожащими пальцами Лорелин отодвинула папки в сторону и достала со дна коробки единственную старую, слегка потертую фотографию. Это была любительская съемка, сделанная издалека, возможно, с камеры наблюдения или через оконный объектив. На ней мужчина в дорогом пальто выходил из черного джипа. Лицо было не очень четким, но фигура, осанка и характерный изгиб плеч были ей до боли знакомы.

Она перевернула фотографию.

На обратной стороне ее собственным, когда-то твердым, а теперь слегка дрожащим почерком было выведено од-

но-единственное слово: *Виктор*.

Лорелин сжала фотографию в кулаке, прижав ее к груди. Атлас халата охлаждал кожу, но внутри все пылало. Сегодня вечером Беккер назвал имя. Роман. Порт. А теперь она смотрела на имя, которое уже пятнадцать лет носила в своем сердце как проклятие и как цель.

Виктор Вэнс.

Она не была готова тогда. У нее не было доказательств, только догадки. А Виктор Вэнс — не тот человек, к которому можно прийти с пустыми руками. Она ждала. Училась. Строила карьеру, чтобы однажды получить доступ к информации, которая позволит ей ударить наверняка. И теперь, когда дело Дайсона привело ее к его порогу время пришло.

Она больше не была просто детективом, расследующим убийство. Она была охотницей, которая наконец-то вышла на след зверя, отнявшего у нее все. И на этот раз она не спрячется в шкафу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.